

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

БЕЗУПРЕЧНАЯ
РЕПУТАЦИЯ

Том 2

Александра Маринина
Безупречная репутация. Том 2
Серия «Каменская», книга 34

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57400517

Безупречная репутация. Том 2:

ISBN 978-5-04-113886-8

Аннотация

Такого странного дела в практике Анастасии Каменской не было давно. Неизвестному писателю Андрею Кислову крупно повезло. По его единственному роману, изданному за свой счет, хотят снять сериал и предлагают солидный гонорар. Разумеется, тот с радостью соглашается. А потом внезапно объявляет, что не подпишет договор ни на каких условиях. На кону большие деньги, и к выяснению причин столь загадочного отказа привлекают сотрудника частного детективного агентства – Настю Каменскую. Но вскоре та становится главным подозреваемым в деле об убийстве. Конечно, ну а кто же еще! Ведь это она – Настя – грязно домогалась потерпевшего, угрожала ему... Он сам рассказывал об этом перед смертью, да и другие свидетели имеются...

Содержание

От автора	5
Часть вторая	6
Каменская	6
Андрей Кислов	39
Каменская	54
Вадим	71
Светлана Гнездилова	76
Лиана	87
Каменская	91
Вадим	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Александра Маринина

Безупречная репутация. Том 2

© Алексеева М.А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

От автора

Пожалуйста, не ищите в этой книге аналогий или аллюзий; если вы увидите в чем-то совпадения с реальностью, то знайте: это чистая случайность. На самом деле все устроено совсем не так.

И вообще, эта книга не о преступлении, а о людях.

Часть вторая

Каменская

Игде только Чистяков ухитряется с первой же попытки отыскивать таких мастеров? Те, кого находила Настя, почему-то либо выглядели немытыми и бездомными, либо оказывались мальчишками, слабо представляющими себе, с какого конца братья за инструмент. Первые попытки Анастасии Каменской всегда бывали неудачными, да и вторые, чаще всего, тоже. Чтобы добиться нормального выполнения работы, ей требовалось, как правило, не меньше трех попыток, поэтому решение любой ремонтной задачи растягивалась надолго. Настя уверена была, что приглашенный мужем мастер, согласившийся в воскресенье прийти монтировать шкаф-купе, покинет ее, оставив работу едва начатой, а панели – испорченными, однако явившаяся парочка плечистых усатых молодцев в отутюженной униформе с логотипом известной мебельной фабрики не оправдала унылых ожиданий. Чемоданчики с инструментами выглядели так, словно сработаны у Эрме или Луи Виттона, а сами инструменты своим стерильным блеском навевали мысли об операционной.

Показав фронт работ, Настя оставила сборщиков одних

и ушла в кабинет Чистякова, который уехал на дружескую встречу с каким-то коллегой из Великобритании. Пока строится вожделенный шкаф, можно почитать наконец книгу Кислова, а потом, когда монтаж будет закончен, вымыть полки и начать раскладывать вещи. Лешка вернется в квартиру, где будет царить относительный порядок и не придется больше спотыкаться о сумки и обходить раскрытые чемоданы.

Она честно начала читать с самого начала, потому что содержание первых двадцати страниц, прочитанных несколько дней назад, уже выветрилось из головы. Но впечатление получалось точно таким же: мрачно, безысходно, невыносимо скучно. И написано пресно. Но Настя набралась терпения, ибо понимала: такой опытный продюсер, как Николай Маратович Латыпов, не стал бы землю носом рыть, если бы в книге не было хорошей изюминки. Просто эта изюминка закопана где-то очень далеко от начала. Однако пока что никакими изюминками там и не пахло, зато на читателя изливались многословные и весьма путанные рассуждения о любви родителей к детям. Неужели Андрея Кислова этот вопрос так сильно интересовал? Впрочем, ничего удивительного, если вспомнить то, что рассказали вчера Миша Доценко и Гена после того, как поговорили с друзьями Кисловых-старших.

– Это просто уму непостижимо! – возмущался Геннадий. – Кисловы всем своим друзьям заполоскали мозги рассказами о том, какая чудесная у них доченька. Юленька то, Юленька это, и невесть где она училась, и невесть какие ди-

плумы получала, и невесть какую работу по невесть какому гранту выполняет... Короче, полный суп-набор родителей, страдающих вытесняющей слепотой.

– При этом они, судя по всему, не врали, – добавил Доценко. – Я бы еще понял, если бы они, зная, что дочь – замшелая наркоманка, втюхивали своим знакомым, что у нее все в порядке. Некоторые в таких ситуациях отмалчиваются, другие рассказывают направо и налево о невероятных успехах и достижениях своих чад. Не каждый родитель готов публично признать такую беду. Но Кисловы, похоже, искренне верили в этот бред! Юлия врала им на каждом шагу, чтобы выцыганить деньги, а они ни разу не засомневались, верили каждому ее слову, оплачивали несуществующие институты и курсы, давали деньги на аренду жилья, потому что Юленька, понимаете ли, работает по американскому гранту, у нее очень много книг и бумаг, ей нужно место для коллективной работы, к ней постоянно приходят коллеги и помощники... Даже слова выучили: брейнсторминг, тимбилдинг и еще всякие другие, обосновывающие необходимость отдельного просторного жилья для ненаглядной доченьки. Там концы с концами не то что не сходятся, они вообще в разные стороны уходят, а Кисловы ничего не замечали. И что самое удивительное – они ведь, Настюха, нам с тобой ровесники примерно, то есть должны, по идее, нормально соотнобразать и адекватно ориентироваться в реальности, а они – как слепые доверчивые мышата в руках у хитрой злобной кош-

ки. Не понимаю, как так можно жить!

– Самый юмор в том, что Юленька у них святая, а сын Андрей такой типа неудачник, работает от случая к случаю, сочиняет какие-то дешевые поделки. Зато Юленька – блестящий ученый и будущий нобелевский лауреат, – сердился Геннадий. – А то, что Юленька у брата постоянно денежки подсасывала и в конце концов его прикончила, так этого просто не может быть.

– Так сказали друзья родителей? – уточнила Настя. – Или сами родители?

– Насчет Кисловых – не скажу, не знаю, – признался Генна. – Мне кажется, им версию о причастности Юлии пока не озвучивали. Но их друзья, опираясь на многолетние рассказы Кисловых, даже мысли не допускают, что Юля может быть как-то замешана. Неправильные поступки способен, по мнению родителей, совершать только Андрей. Кстати, и насчет ключей они тоже с друзьями трындели, мол, дети так дружны с самого детства, прямо не разлей вода, у Юленьки и ключи всегда были от Андрюшиной квартиры, а когда он вдруг ни с того ни с сего поменял замки – Юля пожаловалась родителям, что у брата, дескать, появились тайны от любимой сестрички, и она теперь обижена. Так мамаше пришлось целый скандал сыну закатить, чтобы он выдал Юленьке новые ключи, а то девочка расстраивается, что братик от нее отдаляется.

Вот теперь более или менее понятно. Кислов не был в вос-

торге от пагубного пристрастия сестры и попытался оградить себя и свое жилье, но не тут-то было. Ключи пришлось дать, чтобы не ссориться с родителями, и жить в постоянном напряжении. А Юлия, судя по всему, сильно злоупотребляла мягкотелостью и добротой старшего брата.

– И еще, – задумчиво проговорил Михаил, – там, похоже, мамаша рулит мышлением в семье. Она не курица доверчивая, а властная и уверенная в том, что мир может быть только таким, каким она его видит, и все, что этому противоречит, безжалостно отсекается. Мадам Кислова твердой рукой направляет обожающего ее мужа и внушает, что он должен думать и как относиться к жизни, а он просто тупо и покорно повторяет следом за ней. Может, я не прав, конечно, но из рассказов тех людей, с которыми мы сегодня поговорили, вытекает именно такая разблюдовка.

– Ясно, – вздохнула Настя.

Выходит, Юлия Вячеславовна имеет все основания быть уверенной, что сможет легко повлиять на родителей в деле об уступке прав. Коль уж они столько лет с удовольствием и готовностью верили ее лжи, из которой лохматые концы торчали во все стороны, значит, Юленька для них – свет в окошке и радость ненаглядная, в отличие от сына, связанного с сомнительным искусством. Как Юленька скажет – так и будет.

При таком раскладе ничего удивительного, что Андрей Кислов частенько задумывался о неравномерности распре-

деления родительской любви между детьми. Его это мучило? Терзало? Не давало спать по ночам? Как-то не очень похоже... «Веселый, легкий, позитивный», – снова вспомнилась характеристика, данная Эмилией Марковной.

Ничего веселого, легкого и позитивного Настя Каменская в тексте книги пока не углядела. Получались два варианта: либо в период написания повести в семье Кисловых произошло нечто такое, что всерьез и надолго испортило Андрею настроение, либо книгу написал вообще не он. Обе версии придется проверять полноценно, ибо обе напрямую касаются задачи, поставленной заказчиком Латыповым. При первом варианте между Кисловыми не так все гладко, как пытаются представить Юлия, и сестра убитого на самом деле никак не может гарантировать решений, которые будут приняты наследниками первой очереди. А уж если докажут причастность сестры к убийству брата, то с ее влиянием на обожающую мамочку и послушного папочку можно будет распрощаться. При втором же варианте истинный автор повести может объявиться в любой момент, и Латыпов со своей продюсерской компанией поймет осложненный геморрой со скандалами, судебными исками и огромными штрафными санкциями.

Настя выползла из кабинета, дружелюбно поинтересовалась, долго ли еще мастерам работать, предложила им по чашке кофе или чаю с печеньем. Мастера – два бойца из ларца, одинаковых с лица – приняли предложение со сдержан-

ной благодарностью и заверили, что закончат самое большее через час. Пока наливался кофе для нее самой и заваривался чай для мастеров, Настя прикидывала, с какого конца эффективнее всего взяться за дело. Решение вопроса об авторстве – самое простое, нужно только раздобыть несколько сценариев, написанных Кисловым, и сравнить с повестью. Настроение настроением, а уникальный авторский стиль, манеру использования тех или иных устойчивых конструкций, частоту встречаемости уникальных слов и множество других характеристик подделать крайне трудно. Если попросить Зою скачать откуда-нибудь специальную программу, которую используют филологи, то вопрос об авторстве можно будет закрыть в две секунды. Вот только где взять тексты сценариев? Соваться в агентства, с которыми сотрудничал Кислов, Насте нельзя: с ними наверняка уже контактируют опера, собирают информацию об убитом, и о вмешательстве частного детектива им тут же станет известно со всеми вытекающими последствиями. Стало быть, придется просить Зою, которая при помощи своих волшебных «прожек», умеющих осуществлять контекстный поиск в соцсетях, быстренько найдет тех, у кого на руках может остаться сценарий проведения праздничного мероприятия и кто при этом не попадет в поле зрения полиции в ходе расследования убийства Андрея.

А как разобраться с семейной ситуацией? Нельзя приближаться к друзьям и родственникам, ибо последствия насту-

пят точно такие же, как и при попытке контакта с агентствами, с которыми сотрудничал Кислов в тот период, когда у него, судя по тексту повести, испортилось настроение. И, кстати, когда это было? В типографию Кислов обратился в 2013 году, но когда именно он писал текст? В 2012-м? В том же 2013-м? Или вообще намного раньше?

– Не буду вам мешать, – сказала Настя, усадив мастеров на кухне и поставив перед ними чай и вазочку с печеньем, – когда понадобится – подайте сигнал.

Закрывая за собой дверь Лешкиного кабинета, она подумала, что девять из десяти человек сочли бы ее сумасшедшей: оставить двоих незнакомых мужиков без присмотра в собственной квартире! А вдруг что-нибудь украдут? Тоже мне, хозяйка называется! Но что у нее красть? Шмотье из чемоданов? Просто смешно! А больше ничего ценного у них и нет, только Лешкин компьютер и ее ноутбук, которые в данный момент находятся в кабинете, перед ее глазами.

Итак, с чего начнем? Ясное дело – с личных страничек Андрея Кислова, с его постов о пребывании в больнице. Нет, странички подождут, возможно, больничный период вообще ни с какого боку. Сперва текст книги. Настя пожалела, что не додумалась до такой простой вещи сразу, когда еще только начала читать. Ну не тратить же время на перечитывание! Взяла блокнот и по ходу изучения остатка текста начала делать пометки. Упоминания о моделях автомобилей и телефонов, названия гаджетов, курс доллара и евро, цены,

музыка, одежда, сленг – как много, оказывается, существует меток и признаков, по которым можно довольно точно определить, когда именно создавалось произведение! В книге Кислова время действия не обозначено, но судя по упоминаемым деталям – где-то между нулевыми и десятым-двенадцатым годами. Анахронизмов полно, но это простительно. Учтем, что все до единого ошибки подобного рода касались периода до 2011 года. Концовка книги в этом смысле написана идеально: ни одного анахронизма, ни единой ошибки, все политические и экономические события того периода указаны и описаны достоверно, все технологические новинки появлялись в жизни персонажей вовремя, в соответствии с реалиями. Значит, все еще было свежо в памяти. Стало быть, можно с уверенностью утверждать, что Кислов (или кто там на самом деле был автором?) создавал свой текст именно в 2012-м, самое позднее – в начале 2013 года. В том же 2013-м и попытался пристроить рукопись в издательство, а возможно, и не пытался даже, а сразу решил печататься за собственный счет.

Выходит, все-таки больница... Это хорошо. Это хоть какая-то опора, точка отсчета, от которой можно двигаться в направлении поиска людей, могущих рассказать о Кислове, и при этом не попасть в поле зрения тех, кто занимается раскрытием и расследованием его убийства.

– Мы закончили, – послышался из-за прикрытой двери мужской голос.

Приняв работу и расплатившись, Настя проводила мастеров и задумчиво оглядела фронт предстоящих работ. Убрать оставшийся после монтажа мусор, пропылесосить и вымыть пол, потом отмыть полки и дверцы, потом разложить вещи... Нет, сначала позвонить Зое и выяснить, сможет ли она завтра помочь с информацией...

Минут через двадцать Анастасия Каменская обнаружила себя в машине, летящей по свободным воскресным улицам. И еще она обнаружила давно знакомое, привычное чувство вины за то, что снова предпочла работу, а не хозяйственно-бытовые хлопоты. Миллионы женщин отдали бы все на свете за счастье обстоятельно и с наслаждением вить собственное гнездо, а она... Моральный урод какой-то, честное слово. Но с другой стороны, они с Лешкой столько месяцев жили среди раскрытых чемоданов и сумок, что еще один день потерпят. Ну, может, не один, а два-три... Что такое два-три дня в сравнении с вечностью!

Зато можно похвалить себя за то, что пока еще не утрачен навык принятия быстрых решений. Вспоминая последние двадцать минут, Настя не могла сдержать насмешливой улыбки в свой адрес: горбатого даже могила не исправит.

...В реальной жизни все обычно происходит совсем не так, как представляется изначально. Это Настя Каменская знала точно. Когда она звонила Зое Печерниковой из дома, то представляла себе рослую зеленоглазую красавицу стоящей где-нибудь на кухне перед плитой, на которой варится

или греется детское питание, а рядом на столе лежит ворох выстиранных детских вещичек и белья, приготовлен уют, кругом разбросаны соски и погремушки, из комнаты доносятся детский плач и голоса Зоино сына и его жены. На деле же оказалось, что Зоя сидит в офисе их агентства и помогает Василию составить итоговую справку по Юлии Кисловой.

– Я думала, для вас нерабочее время – это святое, – растерянно пробормотала Настя. – Вы же говорили, что хотите найти работу не так далеко от дома, чтобы помогать с внучкой.

– Все верно, – рассмеялась Зоя. – Это актуально для будних дней, когда сын работает. А в выходные я им не нужна, они вдвоем прекрасно справляются. Если что-то нужно – милости прошу, я свободна до восьми.

До восьми. Интересно, почему? Идет на свидание? В кино с кавалером или подругой? Не в театр и не на концерт, это точно, по времени не получается. «Я так мало знаю о ней, – подумала Настя. – Хотя кажется, что много. А на самом деле – совсем ничего».

Позвонить родителям, убедиться, что все в порядке. Хотя звонила пару часов назад, но все-таки... Позвонить Лешке, доложить о готовности многострадального шкафа-купе и извиниться за то, что составленный с утра план по оборудованию семейного гнезда выполнен не будет. Вот теперь можно юркнуть за руль и мчаться на работу.

Зоя выглядела уставшей, лицо слегка осунулось. Она сидела в комнате отдыха, глаза закрыты, короткие белые ножки беспроводных наушников выглядели странно рядом с лицом, просившимся на полотна великих живописцев.

– Зоя, – тихонько позвала Настя, боясь то ли разбудить, то ли испугать.

– Я слышу вас, – пробормотала Зоя, не открывая глаз. – Момент, коду дослушаю.

Через несколько секунд она открыла глаза, достала из кармана айфон, выключила воспроизведение, вытащила и аккуратно уложила в коробочку наушники.

– Вы закончили справку? – спросила Настя.

– Да, Вася вычитывает. Если захотите кофе – вон там пакет с печеньем, я принесла, Вася сказал, что вкусное.

Пакет был не магазинным, да и печенье выглядело не фабричным.

– Сами печете?

– Приходится, – со слабой улыбкой ответила Зоя. – Научилась. Раньше не умела, да я и не люблю сладкое. Даже не пробую то, что пеку. Все равно не смогу понять, вкусно получилось или нет.

Как можно не любить сладкое? Это было за пределами понимания Анастасии Каменской, которая могла, почитывая

книгу, умять целую плитку шоколада, а то и не одну.

– Значит, для сына?

– В основном для его жены. Большая любительница. Но аллергик. С покупными можно пролететь, на упаковке всегда сплошное вранье.

Звякнул айфон Зои – пришло сообщение. Она прочитала, быстро ответила, потом стала кому-то звонить.

– Я еще не освободилась. Нет, поеду прямо отсюда... Да... Да. И девочку мне привези.

«Девочку привези», во как! Наверное, так любит маленькую внучку, что дня прожить не может, не увидев кроху. А вот с мамой внучки что-то не задалось, похоже. Не «невестка», не «сноха». Жена сына. Впрочем, в случае с Зоей Печерниковой любые поспешные выводы могут оказаться ошибочными, очень уж она не похожа на большинство тех людей, которых Настя знала.

– Настя, если вы хотите, чтобы я что-то искала, имеет смысл обозначить сферу и предмет.

Ну да, опять повествовательное предложение вместо простого вопроса: «Так что вам нужно?»

Настя, невольно подпав под влияние Зоиной манеры говорить компактно и короткими фразами, вкратце изложила суть: больница, отделение травматологии, персонал старшей возрастной группы, желательно медсестры. Нужно найти человека, который работал в отделении в 2012 году и может помнить Андрея Кислова и тех, кто лежал вместе с ним в

палате.

– То есть базу меддокументации в этой больничке мы не взламываем, – уточнила Настя на всякий случай. – Нужны данные только из открытых источников.

– Угу, – равнодушно кивнула Зоя, которую, по-видимому, противозаконность некоторых действий не волновала вообще.

Из соседней комнаты глуховато доносился голос Василия, разговаривавшего по телефону. Голос стал громче, открылась дверь, послышались шаги.

– Да, ага... Ну все, договорились, через два часа буду.

Василий с сияющим лицом плюхнулся в кресло и тут же потянулся за пакетом с печеньем, стоявшим рядом на тумбе, там же, где и кофемашина.

– Ну и отчет получился! – радостно сообщил он. – В жизни таких длинных документов не составлял. Выгонят из сыщиков – подамся в писатели. Анастасия Павловна, вы мне на смену, что ли?

– Похоже, что так. А вы домой?

– Не, я тут потусуюсь еще, у меня встреча через два часа, домой смысла нет тащиться. А здесь печенье вкусное и... – он немного подумал и поднял на Зою нахальный взгляд, – и женщины красивые. Что еще нужно для счастья нормальному мужику?

Минут через сорок, когда Настя вместе с Зоей уже углубились в поиски нужных медсестер, раздался сигнал домо-

фона.

– Вася, откройте, будьте любезны, это ко мне! – крикнула Зоя, не отрываясь от компьютера.

Шаги, щелчок дверного замка, еще шаги и... Тишина. Полная и глухая, прерванная через некоторое время неуверенным детским: «Женя... Жень... А где бабушка?»

– Я здесь, солнышко!

Зоя пулей вылетела из комнаты. Вышедшая вслед за ней Настя застала картину более чем странную. Зоя кружилась по коридору, держа в руках симпатичного мальчугана лет шести. У входной двери стоял молодой парень, очень высокий и ладный, с густыми каштановыми волосами, точная копия красавицы Зои, только в мужском варианте. В каждой руке по огромной спортивной сумке, под мышкой торчит футляр для скрипки. На лице – выражение полного обалдения. В паре шагов от него – Василий, и лицо у него такое же растерянное и изумленное, как и у гостя.

– Ма, – заговорил парень, – ма, это Василий...

Он откашлялся, прочистил горло и продолжил после некоторой заминки:

– ...Игоревич.

Зоя остановилась, осторожно поставила мальчика на пол.

– Я в курсе, – коротко и равнодушно ответила она. – Я с ним работаю, если ты не понял.

– Это Василий Игоревич Мамут, мам. Тот самый.

Зоя тихо охнула, сделала шаг в сторону Василия, аккурат-

но и даже как-то нежно тронула его за плечо.

– Теперь я поняла, почему вы ушли, – негромко проговорила она. – Спасибо вам.

Резко развернулась и отошла подальше. Настя заметила, как она украдкой и быстрым, почти незаметным движением коснулась уголка глаза кончиком пальца – вытерла непрошеную слезинку. Хотелось бы вообще-то понимать, что здесь происходит...

– Женя, давай мне девочку, а железо – сюда, в эту комнату.

Голос Зои звучал вроде бы уверенно, но слезы, которым не дали вытечь из глаз, нашли себе другую область применения, это Настя Каменская слышала совершенно отчетливо. Она с любопытством наблюдала за тем, как Зоя бережно взяла у сына футляр со скрипкой и осторожно положила на свободный стол. Поймав взгляд Насти, она пояснила:

– Аккомпаниатор приболел, что-то с коленом, ходить почти не может, поэтому сегодня мы занимаемся у него дома, а не в классе, как обычно. Попросила Женю привезти мне инструмент.

– В смысле – девочку? – с улыбкой уточнила Настя.

– Ну да. Я ее так называю.

– А я уж подумала было, что вы просили внучку привезти повидаться, – призналась Настя. – И страшно удивилась, что это не внучка, а внук, да еще такой большой. Внучка же вроде в августе родилась. Я помнила, что в вашей семье есть ребенок от первого брака, но услышала слово «девочка» и...

Каверзы шаблонного мышления, – со смехом добавила она.

Ей не хотелось спрашивать, откуда сын Зои знает Василия и почему Василий Игоревич – «тот самый» аж до слез. Вопрос деликатный, нужно подождать, пока Зоя сама расскажет.

Рослый Евгений между тем выгружал из сумок два навороченных ноутбука, моноблок, системный блок, экран и кучу проводов и удлинителей-пилотов. Василий суетился рядом, помогал, сдвигал столы, подключал удлинители.

– Не берусь судить, насколько успешно работали мои предшественники на вашей технике, но я на ней с трудом справляюсь. Привыкла к своему железу и к своим мощностям и скоростям, – сказала Зоя, снова занимаясь акробатикой с мальчиком и одновременно настороженно поглядывая на двух молодых мужчин, в руках которых сейчас была ее драгоценная компьютерная техника: не приведи Господь, не так возьмут, не так поставят, не так подключат.

Настя оценила деликатность коллеги, уверена была, что в иной ситуации Зоя не доверила бы сыну монтаж своего детища, но при Василии и Насте не стала ни командовать сыном и раздавать указания, ни брать дело в свои руки. «Вот же выдержка у человека! – с восхищением подумала она. – Я к своему ноуту даже прикоснуться никому не позволяю, а оказалась бы сейчас на ее месте – наверное, поубивала бы всех».

– Бабушка, а мы с Женей у тебя дома столько всего сде-

лали! – бесхитростно заявил мальчик после очередного переворота через голову.

– Выходит, вы там долго пробыли, – с улыбкой заметила Зоя. – Я думала, вы только за железом заедете на пять минут.

– Не-е! – восторженно пропел мальчуган. – Мы сразу как пообедали – так и поехали. Женя бургеры купил и мороженое, сказал, что это будет наш ужин. Но мы быстро проголодались и у тебя дома пировали! И еще кино посмотрели, я сам скачал свое любимое, чтобы на нормальной плазме посмотреть, а то мама не разрешает, говорит, оно очень громкое. Мама говорит, что от Варькиного рева она и так уже обалдела.

Настя отвернулась, чтобы скрыть невольный смех. Значит, Евгений с приемным сыном банально сбежали из дома в выходной день, чтобы не париться. Очень по-мужски. И просьба Зои перевезти на работу ее многочисленную компьютерную технику пришлось как нельзя кстати.

– Я вообще скачивать не хотел, – продолжал признаваться парнишка, – я бы твой ноут к плазме подключил, а Женя сказал, что нельзя, потому что это твое...

Он запнулся и наморщил носик, вспоминая трудные для понимания слова.

– Это мое... – произнесла Зоя тоном учительницы, которая очень хочет подсказать любимому ученику, чтобы не снижать оценку. – Ну?

– Территория какая-то... Ограниченная... Не помню...

Ребенок выглядел ужасно расстроенным, и Насте снова пришлось приложить усилие, чтобы не рассмеяться. Она решила прийти на помощь.

– Личное пространство?

– Вот, да! Личное пространство.

– Молодец! – похвалила Зоя. – Налей себе сок, возьми печенье, если хочешь, а я пойду проверю, чтобы экраны правильно стояли.

Настя, прислонившись к дверному косяку, наблюдала, как Зоя, двигаясь туда-сюда в кресле на колесиках, проверяла, видны ли ей из одной точки все мониторы одновременно и не бликуют ли экраны от света из окна или от светильников. Василию и Жене пришлось несколько раз перемещать столы и тяжеленный системный блок, пока, наконец, требовательную Зою все устроило. Да уж, организация личного пространства, к тому же рабочего, – дело ох какое непростое и ответственное!

* * *

Роман Дзюба, конечно же, в помощи не отказал. Вообще-то он сам и предложил, у Насти Каменской не хватило бы окаянства просить: человек и так загружен собственными служебными обязанностями. Но Ромка позвонил первым, спросил, как она, пришла ли в себя после пятничного приключения с допросом и не нужно ли чем-то помочь, и Настя

не удержалась.

– Мне бы найти того участкового, который дал наводку на свидетеля, – осторожно произнесла она, мало надеясь на успех. – Лучше, конечно, самого свидетеля, но его имя указано только в справке-меморандуме, а справку Константин Георгиевич наверняка тебе не показывал.

– Поищем, – пообещал Роман, – поговорим, поспрашиваем. Большой дал понять, что если для вас – то он много чего разрешит, только в рамках.

Ну да, в рамках. То есть без нарушения приказов и инструкций. Большой... Действительно, большим мальчиком стал Костя Большаков. Когда-то был юным слушателем Школы милиции, где Анастасия Каменская периодически вела семинары и практические занятия по курсу «Оперативно-розыскная деятельность», и уже стал целым настоящим начальником МУРа, генералом. За эти годы и Школа милиции, и сам легендарный МУР много раз переименовывались, реструктуризировались, менялись, обновлялись... Их теперь не узнать. Господи, как же долго она живет! А может, и не очень долго, просто время такое настало – насыщенное быстрыми и неожиданными переменами.

Вчера Зоя, отладив и проверив технику, довольно быстро нашла для Насти подходящую кандидатуру из числа медсестер того отделения, где когда-то лечился после аварии покойный Андрей Кислов. Правда, работала эта женщина уже совсем в другой больнице. Настя внимательно просматрива-

ла распечатанные Зоей листы-скриншоты. 49 лет, муж, трое детей. Интересно, как вырастить троих детей на зарплату медсестры? Наверное, у мужа доходы повыше. А, понятно, она нашла место в частной клинике. Да и дети, судя по фотографиям, уже выросли, младшая девочка – старшеклассница, старшие сами себя обеспечивают. Муж, опять же, если судить по фотографиям, один и тот же на протяжении всей жизни детей, значит, брак стабильный, и есть надежда, что медсестра по имени Людмила Владимировна Васильчикова окажется не злобной, не завистливой и не откажет Насте в короткой беседе. А вот и место нынешней работы указано, и телефончик имеется. Настя сразу же и позвонила, прямо вчера вечером, поинтересовалась, когда Людмила Владимировна заступит на очередную смену.

– Я слушаю вас, – сухо произнес голос в трубке. – Людмила Владимировна – это я. Что вы хотели?

Неожиданно. Настя даже слегка растерялась в первый момент. Похоже, Васильчикова приняла ее за недовольного пациента, который так стремится поскандалить, что не может дотерпеть до начала рабочей недели.

– Я хотела... Людмила Владимировна, я хотела спросить, когда у вас найдется десять минут, чтобы поговорить со мной. Я не пациент, – торопливо добавила Настя. – Я изучаю обстоятельства жизни одного человека, который в 2012 году лечился в том отделении травматологии, где вы тогда работали.

– Медицинская тайна, – начала было строгим голосом Васильчикова, но Настя не дала ей договорить:

– Нет-нет, никаких диагнозов, Людмила Владимировна, мне это не нужно.

– А что тогда?

– Характер, настроение, общее впечатление.

– Какой год, вы говорите?

– Двенадцатый.

– Давно... А имя?

– Кислов Андрей Вячеславович.

– Не помню, – произнесла Васильчикова после небольшой паузы и повторила: – Давно. Много лет прошло.

– Людмила Владимировна, я уверена, что вы вспомните, я вам фотографию покажу, расскажу кое-что о нем, он яркий был, запоминающийся. Обещаю, отниму у вас не больше десяти минут. Это действительно очень важно, поверьте мне.

– Хорошо, – согласилась медсестра. – Моя смена закончится через полчаса. Успеете подъехать к клинике?

Настя быстро прикинула маршрут. Конечно, воскресенье, вечер, дороги относительно свободны, но адрес, по которому находится эта частная клиника, надежд не оставлял: она совершенно точно не успеет доехать туда из Перова.

– Ждать я не буду, – медсестра говорила все так же сухо и строго, – у меня нет времени.

– А если завтра? – робко спросила Настя.

– Завтра я не работаю.

Отдых, домашние хлопоты, семейная жизнь. Что ж, понятно. Но надо пытаться.

– Может быть, вы планируете завтра выйти в магазин? Я бы подъехала...

– Ладно, – смилостивилась Васильчикова, – в магазин мне действительно надо будет выйти, только время сейчас точно не скажу. Где-то с одиннадцати до часу примерно.

И Людмила Владимировна назвала станцию метро, рядом с которой находится супермаркет, где она делает покупки.

– Как я вас узнаю?

– Я сама к вам подойду, – успокоила ее Настя, – у меня есть ваша фотография с сайта больницы.

Это было вчера. И вот сегодня, в понедельник, Анастасия Каменская с утра отправилась вылавливать медсестру Васильчикову в толпе покупателей. Опознать женщину будет не так уж легко: неяркая внешность, обыкновенное лицо без запоминающихся примет и особенностей. Настя уже собралась было мысленно отругать себя за самоуверенность – надо было спросить, во что она будет одета и с какой прической, ведь фотографии из соцсетей далеко не всегда отражают то, что есть на сегодняшний день, да и портрет, размещенный на официальном сайте больницы, наверняка устарел, судя по тому, что его так и не сняли, хотя Васильчикова там уже не работала; это вполне определенно говорило о том, что сайтом никто не занимается, и обновляется он редко, так что снимок медсестры в разделе «Наш персонал» мог оказаться

очень давним, даже не 2012 года, а намного более ранним. Другой цвет волос, другая длина, новая стрижка... Но бранить себя все-таки не стала, вовремя вспомнив заповедь о том, что только выходя из зоны комфорта, можно двигаться вперед, а в данном случае – не нужно бояться и избегать трудных задач. Лишняя тренировка никогда не помешает.

У Васильчиковой выходной, день занят домашними делами, можно попытаться совместить беседу с выбором покупок, тогда медсестра не будет нервничать и злиться, что у нее отнимают время, когда так много всего запланировано и нужно еще успеть и одно, и другое, и третье... Раздраженный и торопящийся свидетель – плохой свидетель. Впрочем, настороженный – тоже не лучше. Именно поэтому Настя не стала накануне спрашивать номер мобильного: подобные просьбы со стороны «неизвестного абонента» обычно производят плохое впечатление, которое потом очень трудно изглаживать.

С половины одиннадцатого до одиннадцати утра Настя протолклась среди прилавков и стендов, то и дело протягивая руку к чему-нибудь вкусенькому и тут же отдергивая ее. Убедившись на сто процентов, что Васильчиковой в магазине нет, с облегчением вышла на улицу и присела на скамейку, с которой отлично просматривался вход. Вычислить женщину среди входящих намного проще, чем искать ее между стоящими параллельно стендами, когда так легко разминуться.

Людмила Владимировна появилась в начале первого, ко-

гда у Насти начало ломить спину. Сидеть на краешке с прямой спиной, как на приеме у английской королевы, – поясница болит и мышцы не выдерживают, облокотиться на спинку – холодно и мокро, медленно ходить взад-вперед, не спуская глаз с двери магазина, немного легче, но охранник поглядывает недобро и подозрительно. Зато Настя сразу узнала медсестру и порадовалась, что еще не все профессиональные навыки растеряла.

Строгая и настороженная, Васильчикова моментально смягчилась, едва увидев фотографию Кислова.

– Ах, вот вы о ком! Конечно, я его помню, чудный мальчик! Его все обожали, весь медперсонал. Как зайдешь к нему в палату – так непременно хохот стоит на все отделение, очень остроумный парнишка, за словом в карман не лез, всегда веселый, в хорошем настроении, хотя травмы были тяжелые и боли сильные.

– Он что-нибудь о себе рассказывал? – спросила Настя.

Медсестра посмотрела на нее удивленно и укоризненно.

– Вы что, всерьез полагаете, что у нас есть время и силы разговаривать с больными об их жизни? Вы хоть представляете себе, какой кошмар творится в государственной медицине? В двенадцатом году было еще не так ужасно, как сейчас, но тоже не сладко. Вместо того чтобы копаться в чужой жизни, лучше бы о реформе здравоохранения написали, разобрались бы, кто кому и сколько заплатил, чтобы так изуродовать систему оказания медицинской помощи.

И, поймав недоуменный взгляд Насти, добавила:

– Вы ведь журналистка? Я правильно понимаю?

– Нет, я частный детектив. Видите ли, Андрей Кислов написал книгу, на ее основе хотят снять сериал, и мне поручили проверить некоторые аспекты авторского права.

– Вот как... – задумчиво протянула Васильчикова. – Ну а я тут при чем? Какое отношение я имею к этой книге?

– Наверное, никакого. Но, возможно, вы помните тех, кто лежал в одной палате с Кисловым. Понятно, что вам было не до разговоров с больными, но вот сами больные, особенно те, кто находится в стационаре долго, довольно часто сближаются и становятся друзьями. Мне важны не только ваши личные впечатления от Кислова, но и люди, которые могут о нем рассказать.

– Люди, которые могут рассказать... – негромко повторила следом за Настей Людмила Владимировна. – Как-то не нравится мне все это. Шпионским романом пахнет. Во что вы пытаетесь меня втянуть?

– Ни во что, честное слово. Дело в том, что Андрей Кислов погиб, и у него самого теперь уже не спросишь, поэтому приходится искать тех, кто его знал.

Медсестра быстрым жестом прижала ладонь к губам.

– Господи... Неужели разбился? Он ведь и тогда после аварии к нам попал. Такой веселый был, радостный мальчик, как солнышко, мы все около него отогревались...

Радостное солнышко, написавшее мрачную безрадостную

книгу.

Радостное солнышко с опухшим после попойки лицом.

Что-то не складывается с тобой, Андрей Вячеславович Кислов.

– Вы подождите меня, – сказала Васильчикова, – я пойду куплю продукты. Мне нужно время, чтобы успокоиться, переварить... Вернусь и отвечу на ваши вопросы. Может быть, что-то еще вспомню.

Процесс покупки продуктов затянулся, но Настя терпеливо ждала. Она пока так и не услышала того, ради чего, собственно, и затеяла эту встречу.

– Костя, – сказала Людмила Владимировна, поставив на скамейку несколько пакетов, судя по всему, довольно тяжелых. – Костя Веденеев, я его хорошо помню, он два раза лежал у нас подолгу, несколько операций перенес, намучился, бедалага, но все без толку. Стало только чуть-чуть лучше, кардинально помочь не смогли. Он лежал в той же палате. Если Андрей с кем-то и подружился, то, скорее всего, с Костей, они были примерно одного возраста.

– Координаты этого Кости есть?

– Да откуда... То есть в больнице, конечно, все есть, а у меня нет. Помню, он был из другого города, к нему отец приезжал примерно раз в неделю.

– Только отец? А мать не приезжала?

– Она умерла, так Костя говорил. За много лет до того. Костя тихий был, неразговорчивый, терпеливый, все опера-

ции и манипуляции безропотно переносил, никогда не жаловался, вообще не стремился привлекать к себе внимание. Андрей любил поговорить, посмеяться, быть в центре, а Костя положит свой ноутбук на колени – и его не видно и не слышно. Полная противоположность Андрею. Такие противоположности обычно и сходятся, становятся близкими друзьями.

Васильчикова посмотрела на часы и взяла пакеты со скамейки.

– Больше ничего сказать не могу, вы уж извините, мне нужно бежать.

* * *

– Вот, – Зоя Печерникова протянула Насте пачку распечаток, – информация о тех, кто был на корпоративах по сценариям Кислова. Удалось найти человек десять, которые делились впечатлениями в постах и на форумах. Один из них дал в своих комментариях ссылку на сайт, где можно найти куски текстов, написанных для ведущих, и стихи, сочиненные «к случаю». Их я тоже распечатала на всякий пожарный.

– Зоя, вы бесценны! – искренне произнесла Настя. – Просто невероятная скорость и продуктивность работы.

– У меня железо с хорошей начинкой, я ни при чем. За точность сведений поручиться не могу, пришлось сначала лезть на сайт агентства, где работал Кислов, выписывать за-

казчиков из раздела «Наши клиенты», потом искать в Сети все упоминания об этих клиентах. Но ведь агентство работает с несколькими сценаристами, не с одним только Кисловым, так что и насчет людей, и насчет текстов – гарантий нет. Автором может оказаться кто угодно. Поэтому...

Зоя замялась, потеревшая перекинутую через плечо толстую каштановую косу.

– Да? Что, Зоя?

– В комментариях о разных корпоративах несколько раз упоминается один и тот же ведущий. Похоже, он на постоянной основе сотрудничает с агентством Кислова. Актерское образование, но в театре не служит и в кино только пара эпизодов. Но пиарит себя изо всех сил, о каждом пуке и чихе немедленно оповещает общественность всюду, где может. Я подумала, если он вел корпоративы по сценариям Кислова, то у него могли сохраниться тексты. Чтобы уж наверняка... Инфу о нем я тоже приложила, там, в самом конце. Если написать – он быстро ответит.

– Даже так? Вы проверили, что ли?

– Извините, взяла на себя смелость, оставила коммент под самым свежим постом, вчерашним, и он отреагировал в течение трех минут. Похоже, постоянно держит руку на пульсе, вербует в свои ряды новых почитателей и просто знакомых. Ничего плохого, всем нужно деньги зарабатывать. Он в Ютьюбе постоянно выкладывает видео с собой, любимым, ему подписчики нужны, это же заработок, так что чем боль-

ше знакомых, тем лучше.

– Ну да, ну да, – задумчиво покивала Настя.

Ай да Зоя! Да она одна может заменить собой целую бригаду детективов! Алгоритмы поиска информации сильно изменились за последние двадцать лет, раньше добывали сведения все больше ногами и речевым аппаратом, сегодня – пальцами и глазами. Но мозги нужны в обоих случаях, просто работают теперь в другом направлении.

– Надеюсь, вы узнали что-нибудь полезное от медсестры. Если нужно что-то еще поискать – я готова.

– Васильчикова назвала имя предполагаемого приятеля, лежал с Кисловым в одной палате. Константин Веденеев, не москвич, возраст примерно такой же, как у Кислова, плюс-минус три-четыре года, сильная хромота. Можно по таким скудным признакам найти, как вы думаете?

– Попытаюсь. Настя, не обижайтесь, пожалуйста, но мне кажется, в полиции взяточников намного больше, чем принято думать.

Оппа! Это еще что? Закамуфлированный под повествовательное предложение очередной вопрос или основанное на собственном опыте категорическое утверждение, высказанное в деликатной форме?

– Да, – кивнула она, – их очень много. Из этого что-то вытекает?

– Из этого вытекает возможность купить у них некоторые базы данных и программы, которые очень помогли бы. Я по-

нимаю, что это противозаконно, но уверена, что реально.

Ну, кто бы сомневался!

– Вас интересуют какие-то конкретные базы?

Впрочем, вопрос был чисто риторическим, ибо понятно, о каких базах может идти речь, если разговор о них зашел сразу после постановки задачи поиска некоего Константина Веденева без адреса и паспортных данных.

– Вы же все понимаете, Настя, – со вздохом ответила Печерникова. – Но я слышала, что наши не то купили, не то украли, в общем, приобрели программу для распознавания лиц. Она тоже не помешала бы. Правда, с ней имеет смысл связываться, если есть доступ к централизованной базе записей с камер в общественных местах. Но для начала паспортно-адресная база тоже сойдет.

– Стасов на это не пойдет, – твердо сказала Настя. – Он дорожит своей лицензией, для него законность деятельности агентства – главный принцип. Я знаю, что вы иногда действуете не вполне... не вполне корректно, и мы все это знаем, но закрываем глаза, потому что никогда не используем приватную информацию во вред людям и не разглашаем ее. Некорректно добытая информация для нас только обозначает направление поиска. Мне жаль, если я вас разочаровала, но это так и никак иначе.

– Тогда я вообще не понимаю, как вы работаете и где берете информацию.

– Покупаем. У тех, кто может раздобыть ее корректно. У

бывших коллег, которым мы платим за каждый запрос. Для ведения наружного наблюдения тоже привлекаем полицейских, и бывших, и действующих, и тоже платим им.

– Выходит, это законно...

– Не очень, – призналась Настя с улыбкой. – Но спереть базу – намного хуже. Если поймают – не отмажешься. А оплату наличными за оказание услуги доказать намного труднее. Человек будет до последнего отпираться, говорить, что выполнил чью-то просьбу бесплатно, просто помог друзьям. Это, безусловно, служебное нарушение, но все-таки не преступление, в отличие от взятки. Если вы не сможете найти Веденева своими способами, мы заплатим и получим все его данные.

– Но если смогу – вы сэкономите, – констатировала Зоя с легкой усмешкой. – Хорошо, я поняла. Попробую.

Характер актера-ведущего Зоя Печерникова определила безошибочно: он действительно моментально откликнулся на обращение «Анастасии Каменской, которая по поручению руководства занимается организацией юбилея крупной компании», и уже через пятнадцать минут на электронную почту пришло письмо с вложением: полный текст сценария, написанного Андреем Кисловым в прошлом году для празднования чьей-то десятой годовщины свадьбы. В «условиях» стояла пометка: загородный дом, регулярный парк, 250 гостей. Н-да, скромненько и со вкусом. Словно параллельно течет какая-то совсем другая жизнь, абсолютно не похожая

на ту, которую ведут и сама Настя, и подавляющее большинство тех, кого она знает.

После первого прочтения сценария сомнения Насти Каменской укрепились, после второго – перешли в уверенность: повесть, которая так впечатлила продюсера Латыпова, написана не Андреем Кисловым. Автор – кто-то другой. Но пусть Зоя еще проверит, она что-то говорила про программу, купленную у филологов. Настя села за свой компьютер, достала из сумки книгу Кислова, включила сканер. Наверное, замечательной филологической проге не нужно так много, для сравнительного анализа двух текстов достаточно и десяти страниц, но Зоя пока занята поиском Веденева, так что время есть, можно сделать все по уму и отсканировать целиком.

Андрей Кислов

Оригинал-макет и обложку Андрей сделал сам, идентификационный номер оформил и получил под свою фамилию, нашел в Рязанской области маленькую типографию, работавшую качественно и за разумные деньги. Правда, в этой типографии делали в основном корпоративные товары для скромных фирмочек: календарики, буклетки и все в таком духе, но Кислову было все равно. Главное – там взялись за небольшой тираж, 300 экземпляров.

Все эти процедуры заняли довольно много времени. Андрею приходилось работать над сценариями, готовность которых имела четко установленные сроки, не подлежащие по понятным причинам никакой корректировке, и, просидев, к примеру, полдня в поисках подходящих рисунков для обложки и ничего толкового не найдя, Кислов на несколько дней прекращал заниматься книгой Костика и полностью переключался на собственные задания. Когда вид обложки показался удовлетворительным, пришло время впечатать в нее имя автора, и Кислов закручинился. Занесенные над клавиатурой пальцы никак не хотели нажимать кнопки в правильном порядке. Наконец, не без труда, удалось вставить в верхней части листа слова «Андрей Кислов».

Нет! Это неправильно! Внутри все протестовало и сопротивлялось. Не должны эти слова красоваться на книге, кото-

рую он не писал. Андрей быстро стер свои имя и фамилию и написал: «Константин Веденеев». Совсем же другое дело! Рисунок на обложке, казалось, ожил, заиграл, заулыбался. И тут же в голове зазвучал голос Костика: «Не хочу расстроить или опозорить отца». Что ж поделать, разные бывают обстоятельства, и соображения у людей при принятии решений тоже разные. Но Андрей, хоть и сам писал, пусть и не книги, а всего лишь сценарии-поделки для дорогих корпоративов и вечеринок богатых заказчиков, с уважением относился к желаниям другого автора, даже если не понимал их и не разделял. И, опять же как автор, хорошо мог представить себе чувства, которые обязательно испытает Костик, увидев свое творение в виде книги. Настоящей книги, отпечатанной в типографии и зарегистрированной в Книжной палате. А уж если писатель увидит свою книгу продающейся в магазине... Да вдобавок если посчастливится случайно присутствовать там в момент, когда кто-то ее покупает... Восторгу не будет предела! Кислов отлично помнил свои ощущения, когда впервые, еще в школе, увидел воплощение в реальной жизни того, что он придумал и написал. Костику предстоит пережить то же самое, только во много крат сильнее и ярче, ибо труда в свою рукопись он вложил куда больше, чем Андрюша Кислов в свой первый сценарий. Парень, обреченный на пожизненную хромоту и сильные боли, не живущий полноценно, а выживающий вместе с не очень здоровым отцом-пенсионером, будет счастлив. А это и есть самое глав-

ное.

Во второй раз вставить собственное имя на обложку оказалось намного легче: Андрей думал в этот момент не о себе, а о Костике, представлял, как книга мгновенно разлетится из торговых точек по рукам читателей, и как через пару недель всех продавцов книжных магазинов засыпят вопросами о том, нет ли еще книг этого автора и когда выйдет следующий роман, и как продавцы побегут к директорам магазинов, а директора схватятся за телефоны и начнут названивать оптовикам с требованиями завезти им еще книги Андрея Кислова, и как оптовики...

В этом месте полет мечты обычно обрывался, потому что Андрей не вполне отчетливо представлял себе, что будут делать оптовики и куда побегут, чтобы выполнить заказы магазинов. В нормальной ситуации они обращаются на склад издательства, это понятно. А в случае самиздата как поступать? Наверное, они свяжутся с типографией, данные которой указаны на последней страничке, типография даст координаты клиента, то есть Андрея Вячеславовича Кислова, Кислов объяснит, что нигде не взялись за публикацию рукописи... ну, а дальше процесс как-нибудь пойдет, оптовики ведь работают в тесной связке с издательскими офисами продаж, и кто-нибудь обязательно заинтересуется и спохватится, что прибыльный продукт проплывает мимо кассы. Эта часть мечты не имела четкости, но зато финальная картинка виделась объемно и красочно: Костик Веденеев полу-

чает электронное письмо с предложением передать права, заключить авторский договор на первую книгу и подписать контракт, согласно которому он обязуется создавать не менее трех произведений в год в течение пяти лет. Как он обрадуется! Как будет доволен и горд! И папаша его, сильно эстетствующий, заткнется со своим критическим мнением. Издательству и книгопродавцам всегда виднее, что хорошо и что плохо, потому что читатель голосует рублем, а профессиональное литературоведческое мнение тут вообще никаким боком не прилипло.

Подошли сроки сдачи очередной работы, Андрей старался успеть вставить в сценарий то, что удалось разузнать о юбиляре и его семейке, попал в жуткий цейтнот, поскольку не умел правильно планировать время и вечно оттягивал все до последнего момента. Из типографии еще неделю назад сообщили, что тираж готов, но Андрей решил, что поедет после сдачи: типография находилась в Рязанской области, и потратить день на поездку за книгами он сейчас никак не мог. Зато потом можно будет совместить получение тиража с визитом к Костику, как раз по пути получится.

Весь ужас, как обычно, состоял в том, что он никак не умел определять, посетило ли его вдохновение во время работы и достойным ли получился результат, поэтому, отослав сценарий по электронной почте, он с колотящимся сердцем явился «на разбор». Что сейчас скажут? Что он опять сделал не то и не так, вяло и пошло? Или похвалят и хорошо

заплатят?

– Андрюша, – сказал ему Рыбин, тот самый деятель, который когда-то взял его на работу, а теперь принимал и оценивал результаты его труда, – тебя Бог в темечко поцеловал, ты это знаешь? Когда я читал текст песни, даже прослезился. Очень пронзительно у тебя получилось про жертвы и про то, чем человек платит. Признавайся, кто тебе помогал? Не верю, что ты сам это сочинил.

– Сам... – растерянно пробормотал Кислов. Он, конечно, старался, работал на совесть, но таких слов никак не ожидал.

– Совсем же другое дело! – продолжал восторгаться Рыбин. – Вот так бы всегда! А то приносишь иногда ерунду какую-то, с которой даже стыдно к приличному клиенту приходить.

Вдруг лицо его изменилось, стало озабоченным и даже каким-то испуганным.

– Андрюша, а ты, случаем, не того...?

– Что? – не понял Кислов.

– Наркотой не балуешься? Таблетками, порошками?

– Да нет, – спокойно удивился Андрей. – С чего вы взяли? Виски там, коньяк, водочки хорошей позволяю себе, конечно, если в компании, ну, как все. А больше ничего.

– Точно?

– Абсолютно.

– Тогда откуда такой полет фантазии и креатива?

Андрей рассмеялся.

– Наверное, от положительных эмоций. Взятся помочь парню, с которым в травме в одной палате лежал, когда попал в аварию. Он книгу написал, а публиковать стесняется, ну, я и впрягся.

– И как? Удалось помочь?

– Думаю, да. Во всяком случае, тираж уже в типографии.

Он не стал рассказывать Рыбину о том, что тираж крошечный, что во всех издательствах ему отказали, что платит за все это сам Кислов и что автор категорически против публикации. Зачем грузить посторонних людей? Никакого смысла в этом нет.

Глаза Рыбина стали внимательными и очень серьезными.

– Ты сам-то доволен?

– Очень! – искренне воскликнул Андрей. – Знаете, у парня этого жизнь несладкая, мать умерла, когда он был совсем маленьким, отец его один растил, а потом еще травма эта, местные врачи напортачили сильно, отправили в Москву, но здесь уже ничего не смогли исправить, несколько операций сделали – все без толку, остался хромым на всю жизнь. Если честно, я ужасно рад, что смогу ему помочь. Пусть у человека будет радость хоть какая-то во всей этой беспросветности.

Вот тут Рыбин и произнес ту загадочную фразу:

– А клюка-то старухина!

Андрей оторопело и непонимающе смотрел на него. Какая клюка? Какая старуха? При чем тут вообще?..

Рыбин расхохотался, глядя на выражение лица Кислова.

– Ты что, «Морозко» не смотрел?

– Нет.

– Там есть герой, которого за грубость и невежливость превратили в медведя, и стать снова красивым пареньком он сможет только тогда, когда сделает три добрых дела. Вот он ходит, ходит и все придумывает, какое бы еще доброе дело сделать. Встречает старую бабку с клюкой, разговаривает с ней, потом бабка уходит, и парень видит, что она ушла без клюки. Парень восклицает: «А клюка-то старухина!» – и радуется, что придумал доброе дело, которое можно сделать: найти старуху и вернуть ей клюку. Усвоил?

– Не совсем.

– Есть распространенное мнение, что художник должен быть голодным, а автор – непременно страдать, чтобы создать достойное произведение. Может, у многих так и выходит, не знаю. Но у тебя явно противоположный случай. Чтобы эффективно и красиво работать, тебе нужны положительные эмоции, нужна радость, и не абы какая, а связанная с тем, что ты кому-то реально помогаешь. Так что вперед, Андрюша, ищи старухину клюку. Ищи доброе дело, которое можешь сделать. Без этого твои сценарии снова будут тусклыми и непригодными для использования. Теперь усвоил?

Андрей молча кивнул.

– Новогодний корпоратив компании «Гамма Капитал» имел большой успех, ты поработал на славу, среди гостей были топ-менеджеры нескольких крупных инвестиционных

групп, они сильно впечатлились твоим личностным подходом и спросили у «Гаммы», кто писал тексты и стихи, кто придумывал конкурсы. Я тебе не говорил, но тот заказ, который ты выполнял к Восьмому марта, пришел именно от одного из партнеров «Гаммы», а летний праздник на водохранилище – от другого. Три богатейших клиента всего за полгода – это наш рекорд на сегодняшний день, и это полностью твоя заслуга. Ну, ребята все, конечно, старались, но хороших менеджеров и организаторов все-таки больше, чем хороших сценаристов. Заказ от «Гаммы» нам достался по чистой случайности, обычно клиенты подобного ранга обращаются в «Ювенал» или к кому-то такому же известному и крутому, но не к нам. Наша репутация крепнет, и ты не должен подвести. Понял задачу?

Да уж, чего тут непонятного...

* * *

Максим Викторович Веденеев, отец Костика, работал в двух местах охранником, в обоих в режиме «сутки через трое». Первые сутки охранял элитный жилой комплекс с огороженной ажурным забором территорией, на вторые сутки – отдыхал, отсыпался и занимался домашними делами, на третьи – нес вахту в библиотеке, на четвертые – снова отдыхал. И все сначала. Вышедших в отставку офицеров МВД охотно брали в охрану, вопросом же об их базовом образова-

нии никто особо не задавался. Раз из МВД – значит, и службу знает, и скрутить может при необходимости, и отпор дать, и в пятак накатить.

Андрей позвонил Костику, ненавязчиво выяснил, в какие дни Максима Викторовича гарантированно не будет дома, и отправился в путь: сперва в типографию, потом к другу. 300 экземпляров книги – это 15 пачек, по 20 книжек в каждой. Одну пачку сразу отложил в сторону: из двадцати книжек шестнадцать нужно отправить в Книжную палату. Кислов набил багажник машины под завязку и еще несколько упаковок бросил в салон, на заднее сиденье. Поездом, конечно, было бы комфортнее: растянулся на полке и спи себе, в ус не дуй. Но перевозить такой объемный багаж удобнее все-таки на машине.

К концу пути Андрей изрядно устал, проголодался и очень хотел спать, но предвкушение восторга, который испытает Костик, бодрило, помогало не заснуть за рулем и заставляло в последние три-четыре часа поездки не останавливаться, чтобы поесть. Припарковавшись перед знакомым двухэтажным давно обветшавшим домом, взял с заднего сиденья две пачки, вошел в подъезд и позвонил в квартиру на втором этаже.

Костик знал о его приезде и ждал, но о цели визита Андрей умышленно умолчал. Сюрприз так сюрприз, полноценный, полновесный и неожиданный.

– Что это? – спросил Костик, разглядывая пачки, которые

Кислов торжественно водрузил на стол.

– Вскрой и посмотри.

Андрей напряженно наблюдал за Костиком, который аккуратно и ловко вскрыл бумажную упаковку, и сердце его подпрыгнуло от радости, когда он увидел, что по маленькой, захлавленной приборами, дисками и проводами комнате буквально разлилось сияние. Сдержанный молчаливый Костик не был склонен к бурному выражению эмоций, но наполнившее пространство счастливое изумление было плотным и ощутимым всеми органами чувств. «Вот оно! – думал Кислов. – Ради этого момента я и старался. Пусть ругает меня, пусть даже выгонит, но он пережил этот момент. Теперь Костик осознает, что такое не просто «бывает у кого-то» – такое случилось и в его жизни».

– Ты все-таки сделал это...

Негромкий голос Костика слегка дрожал. Он держал книгу в руке, ласково поглаживая гляцевую поблескивающую обложку.

– Остальные в машине, я сейчас принесу, – торопливо заговорил Андрей, чувствуя в горле предательский ком. Не хватало еще пустить слезу!

– Остальные? Разве это не все?

– Там еще двенадцать пачек. Я сейчас...

Костик придержал его за плечо.

– Погоди, Андрюша.

Помолчал и твердо сказал:

– Не надо. Увези обратно. Или выбрось. В общем, делай, что хочешь. Я себе одну оставлю на память, больше не нужно.

– Да ты с ума сошел! – возмутился Андрей.

Противного комка в горле как не бывало. Теперь он испытывал только гнев и негодование.

– Это же твоя книга! Твоя, ты понимаешь? Я привез тебе первый тираж твоей первой книги, ты вообще в состоянии это осознать? Ты – писатель, и это – твое произведение. Можешь всем друзьям и знакомым подарить, просто скажи, что взял псевдоним, и все дела. Сколько у тебя друзей? Десять? Двадцать? Одну пачку раздаришь, остальные в книжные магазины пристроим, и через месяц, ну максимум – через два, тебя накроет мировая слава. Будешь знаменитым, богатым, купишь нормальное жилье, поедешь лечить ногу за границу, там медицина в тысячу раз лучше, чем у нас. Ты понимаешь, какие перспективы открываются?

– Успокойся, пожалуйста, – Костик по-прежнему не повышал голос, но и глаз от яркой обложки не отрывал, и книгу из рук не выпускал. – Ничего этого не будет. Отец мне ясно объяснил, что текст убогий и слабый, и выходить с такой книгой на суд читателей – стыда не оберешься. Я тебе еще в прошлый раз сказал, что не стану ни расстраивать отца, ни позорить его имя.

– Да что ты уперся со своим «позорить»?! Мало ли что кому не нравится, вон Достоевского тоже не все любят, и

что? Все равно он знаменитость и мировая величина. Ну не понравилось твоему отцу – и что теперь, удавиться? Слава, признание, деньги – вот что тебя ждет, а никакой не позор.

– Не будет ни славы, ни признания, ни денег. Текст написан коряво и слабо, я это отчетливо вижу теперь. И обсуждать тут больше нечего. Одну книжку оставлю себе, остальные заberi. Отец не должен ничего узнать.

– И что? – Кислов недоверчиво прищурился. – Собственную книжку, результат своего труда, спрячешь подальше от глаз, чтобы отец случайно не нашел, а то по попе надает? Ага, ты ее под матрас спрячь или вообще тайник за плинтусом сооруди, как в шпионском кино. Нормальные люди гордятся, всем рассказывают, дарят, радуются, в конце концов, а ты...

– Не сердись, – Костик примирительно улыбнулся, но улыбка вышла печальной. – Я очень благодарен тебе, правда. И я очень высоко ценю твои усилия. Понимаю, что это было и сложно, и дорого. Ты хотел помочь. Но отец – это для меня святое. Его мнение и его желания не обсуждаются. Он слишком многим пожертвовал, чтобы вырастить меня, от многого отказался, но ведь я должен был стать взрослым и взять на себя все заботы и о нем, и о себе. А я, видишь, подвел с этой своей инвалидностью, два года не зарабатывал толком, по больницам валялся. Ты же знаешь, у меня не только нога, еще куча других болячек. Отец в долги влез, чтобы... Да ладно, – он махнул рукой, – не грузись этим. Это наша жизнь

и наши проблемы. Мы справимся.

Он поставил книгу на одну из полок, прибитых по всем стенам. Денег в семье Веденеевых было мало, а вот книг – много.

– А как же отец? Не боишься, что он прочтает и узнает твою рукопись? – ехидно спросил Андрей. Он-то был уверен, что Костик спрячет книгу подальше от глаз.

– Так имя же не мое на обложке, – спокойно ответил тот. – Отец ее даже в руки не возьмет, оформление увидит и сразу решит, что это «желтизна» какая-нибудь, он такое принципиально не читает.

Из дома Веденеевых Андрей вышел расстроенным и даже немного обиженным, но энергичная деятельная натура его не позволяла подолгу печалиться и грустить. Из четырнадцати пачек тринадцать нужно немедленно пристроить на реализацию, и лучше всего в киоски, торгующие печатной продукцией на вокзалах и в аэропортах. Там и цены ниже, и обороты нормальные, пассажиры перед дорогой частенько вспоминают, что им нечего почитать в пути, и с удовольствием покупают что-нибудь недорогое, чтобы скоротать время. Молодежь, конечно, бумагу вообще не уважает, у них все развлечения в гаджетах, которые всегда с собой, а вот те, кто постарше, привыкли к печатному слову.

Начав с того города, в который приехал, Кислов нашел контору, занимающуюся обеспечением торговых точек книжной продукцией. Ему объяснили, что в специализиро-

ванные магазины отправляют только ту литературу, которую магазины сами заказывают, навязать им ничего нельзя. Книгу никому не известного Андрея Кислова, которого не про-рекламировало приличное издательство, ни один магазин не закажет. А вот через киоски – да, можно попробовать, но именно на реализацию: сколько продадут – столько денег Кислов и получит. Пусть господин Кислов не надеется, что у него сейчас кто-то купит по оптовой цене весь тираж и потом будет маяться, не зная, как и кому это продать. Такого не будет.

На распечатанную четырнадцатую пачку, в которой оставалось еще девятнадцать книжек, плюс на те четыре из самой первой открытой пачки, у Андрея имелись свои виды. Две-три книжки он оставит себе, остальные подарит знакомым. Разумеется, почти никто из них читать не станет, это понятно, но кое-кто все же прочтет, хотя бы два-три человека. У остальных книжка будет валяться и в конце концов попадет в руки кому-то, кто прочитает. Например, немолодая тетушка из другого города приедет в гости и, уезжая, попросит что-нибудь в дорогу почитать. Всякие случаи бывают, Кислов это знал. Найдется тот, кто оценит, кому очень понравится. Цепная реакция всегда начинается с первого шага, и этот шаг обязательно будет сделан. Пусть не сразу, но будет. Андрей Кислов твердо верил в это.

Он пожалел, что не взял псевдоним. Было бы на обложке написано любое другое имя, не его собственное, можно

было бы дарить знакомым со словами: «Обязательно прочитай, получишь удовольствие, я сам оторваться не мог, это потрясающая история!» Тогда шансов было бы побольше. А так... Не будешь же захлеб хвалить то, что сам написал, это как-то неприлично, нескромно. Когда делал обложку, отдавал макет в типографию, получал идентификационный номер, был уверен, что весь тираж останется у Костика. Ну, или уйдет в торговые точки. Ему и в голову не приходил вариант, при котором придется раздавать книги своим друзьям. Врать Андрей не любил, а каждый раз рассказывать историю про странного хромого Костика и объяснять, как так вышло, что чужой текст напечатан под его, Андрея, именем, не хотелось. Вот ведь засада!

Каменская

Как же быстро все меняется в голове! Просто уму не постижимо! Всего несколько месяцев назад Настя и Алексей собирали свои вещи на старой квартире, придирчиво оценивая каждый предмет и решая, укладывать и впоследствии пользоваться им или выбросить. В мешках «на выброс» оказалось много всего, начиная от давно затупившихся и не подлежащих восстановлению кухонных ножей и застиранных растянутых футболок до папок с материалами столетней давности, которые уже точно никогда и никому не пригодятся. Разношенные кроссовки, в которых так удобно было ходить... Сколько? Лет десять, наверное, Настя их носила, в районе большого пальца явственно наметилась дырка, подошва истерлась почти до гладкости. Жалко, ноги в них совсем не уставали, и спина болела намного меньше, чем при ходьбе в другой обуви. В мешок! Сувенирная тарелка, подаренная Чистякову давным-давно. Кем? Он не помнил. При каких обстоятельствах – не помнил тоже. Так какой смысл хранить ее? Сувенир на то и сувенир, чтобы возвращать воспоминание, помнить о событии. А если не помнишь, то предмет превращается в ненужный хлам. В мешок!

Настя в тот момент была уверена, что они с Лешей вычистили свое копившееся годами имущество до полного рационального совершенства. И надо же: прошло всего несколь-

ко месяцев – и оказалось, что размещения в новеньком шкафу-купе достойно далеко не все из перевезенного.

– Леш, а это что?

Она с недоумением вытащила из чемодана нечто крошечное-изящное, черное, необыкновенно приятное на ощупь. Развернула, подержала на весу, показала мужу.

– Если я правильно помню, это маленькое черное платье, твоя мама привезла из Парижа.

– Да? – она задумчиво осмотрела наряд. – И давно?

– Очень давно. Больше десяти лет прошло, если не все пятнадцать. Насчет моды не парься, фасон универсальный, его еще Коко придумала в пятьдесят каком-то году, он никогда не устареет.

– Да при чем тут мода-то! – с досадой воскликнула Настя. – Куда мне это носить? Зачем оно мне? Короткое, в обтяжку, без рукавов, шея открыта, ноги голые, руки голые... Фууу!

Алексей все это время сосредоточенно прикладывал три брючных ремня по очереди к каждому из трех костюмов, решая, какой из них к чему больше подходит по цвету и фактуре. Он не любил тратить интеллектуальную энергию там, где ее можно было сэкономить, и предпочитал раз и навсегда определить, «что – куда», вместо того чтобы при каждой смене костюма подбирать сорочку, галстук и ремень. Даже в тесной старой квартире он, человек порядка и плана, умудрялся располагать свои вещи так, что они не путались

и не терялись. Беда, однако, состояла в том, что, единожды определившись с сочетанием предметов, Чистяков мгновенно все забывал. Просто выбрасывал из головы, как ненужную информацию. Он твердо знал, что уже все продумал и что вот к этому костюму идут вот эти сорочки, висящие в шкафу сразу за ним, и вот эти галстуки, прикрепленные на специальном держателе между костюмом и сорочками. Все, вопрос закрыт, об этом можно больше не думать ни секунды и не тратить энергию на выбор. Но через полчаса после принятия решения профессор даже под угрозой смертной казни не смог бы вспомнить, какие именно сорочки и галстуки он определил в комплект к конкретному костюму. И это при том, что решения принимались очень тщательно и взвешенно, в результате чего Алексей Михайлович Чистяков заслуженно считался одним из самых элегантных и красивых мужчин в своем научном сообществе.

И все было бы хорошо, если бы Лешка сам складывал свою одежду при переезде. Однако он был занят работой, и вещи складывала Настя. Торопилась, потому что собираться – занятие скучное, нужно просто побыстрее перекидать все в чемоданы и распихать по сумкам. О чем тут думать, если Лешка уже все предварительно просмотрел, перебрал и засунул в мешки «на выброс» старое и ненужное. Бери, что осталось, и засовывай, куда влезет. В итоге Чистяков после переезда вынужден был решать нудную старую задачу заново, и не один раз, ибо шкафа не было, а предметы гардероба, по-

ложенные в определенном порядке на стул, имели какое-то странное обыкновение меняться местами и перемещаться в пространстве.

Ну все, сегодня – последний рывок. Настя чувствовала себя виноватой из-за собственной безалаберности, но утешалась тем, что теперь, когда есть новый шкаф, Лешке больше не придется мучиться. С сорочками и галстуками он уже разобрался окончательно, остались только ремни.

– Этот – сюда, – с облегчением выдохнул Алексей, повесил ремень на перекладину плечиков, под пиджак, и, наконец, внимательно рассмотрел маленькое черное платье, которое Настя продолжала держать на весу.

– Не пойму, что тебя не устраивает, – сказал он, пожав плечами. – Твою фигуру вполне можно обтягивать, ноги тоже достойны того, чтобы их показать. Просто, элегантно, без претензий. На чем тебя переклинило?

– На том, что я вся открытая в нем, – призналась Настя. – Я этого не люблю, ты же знаешь. И никогда не буду носить такое платье. Я люблю спрятаться в одежду, как в норку, и быть защищенной и незаметной. И не смотри на меня так, я знаю, что ты хочешь сказать.

Алексей вздернул брови в иронической гримасе.

– Что же?

– Что я интроверт-невротик.

– И ты собираешься с этим поспорить?

– Да нет, – вздохнула она. – С чем тут спорить? Святая

правда. Но я не понимаю, о чем я думала, когда складывала это платье в чемодан. Зачем я его положила? Почему считала, что оно пригодится? Нужно было сразу отложить в коробку, где лежали хорошие вещи, которые мы потом раздадим, потому что сами пользоваться уже не будем, а кому-то могут пригодиться. Леш, я же была в своем уме, когда вещи собирала, значит, видела это платье, обдумывала что-то и пришла к выводу, что оно мне нужно, что я буду его носить. А сейчас я смотрю и не понимаю: для чего? Для чего оно мне нужно? Куда я в нем пойду, если за все годы так и не надела ни разу, тем более оно мне не нравится. Я в ужасе от того, что не помню, какие мысли были в тот момент у меня в голове, какие идеи. И это я, которая раньше никогда ничего не забывала!

– Ася, успокойся, – Алексей досадливо поморщился. – И не вздумай начать развивать свою любимую мысль о том, что ты стареешь и у тебя слабеет память.

– Ну а что тогда? – жалобно спросила она. – Если не склероз, тогда маразм, тоже не легче.

Чистяков осторожно вынул платье из ее рук, аккуратно повесил на плечики и поместил в шкаф.

– Не склероз и не маразм, – мягко проговорил он, видя, что Настя уже готова расплакаться, – просто проявление нормальной женской сущности. Ты красивая женщина, которой не интересно думать о том, что она красивая, но твоему подсознанию наплевать на твои сознательные интересы,

оно живет своей жизнью, и в этой жизни ты – красавица. А сердце красавицы – что?

– Склонно к измене, – покорно процитировала она, борясь с подступившими слезами, – и к перемене, как ветер мая. Ты считаешь, что я изменилась за эти несколько месяцев?

Леша расхохотался.

– За несколько месяцев? Да ты меняешься каждый час, если не чаще. И это говорит только о том, что ты по-прежнему восприимчива к информации, к чужим и своим эмоциям, ты постоянно что-то обдумываешь и делаешь выводы и после каждого вывода становишься чуточку другой. Мы все такие. Это признак хорошо развитого и нормально работающего интеллекта, если ты не в курсе, а вовсе не старости, как ты себе напридумывала. В старости люди, наоборот, менее подвижны и восприимчивы. Так что успокойся уже и не морочь мне голову, а заодно и себе. Платье отлично прокатит на свадьбе у Ромчика, а уж надеть его на прием в посольстве сам бог велел, «Шанель» уместна всегда и всюду. Правда, вроде бы есть примета, что на свадьбу нельзя приходить в черном, но ты всегда была далека от народных верований.

– Оно голое какое-то, – упрямо повторила Настя. – Я не смогу его носить, мне будет некомфортно.

– Потерпишь, – в голосе Алексея промелькнула неожиданная жесткость.

Настя испугалась: такие нотки она слышала у Лешки очень редко. Неужели она надоела ему со своими причита-

ниями по поводу старения? Ну да, само собой, надоела хуже горькой редьки, сколько же можно мозг выносить человеку! Он любит ее и потому терпит, но любое терпение рано или поздно заканчивается. А она не почувствовала границу, перешла ее, злоупотребила, заигралась в собственные переживания и в результате достала Лешку до печенки. Пора останавливаться и что-то делать со своими неправильными мыслями.

Но что? Выключить сознание и произнести первое, что вытолкнет подсознание.

– К маленькому черному платью нужна нитка жемчуга, а у меня ее нет, – выпалила она, изумляясь тому, что говорит.

Чистяков улыбнулся и одобрительно кивнул.

– Ну вот, уже на что-то похоже. На хороший жемчуг денег нет, сама знаешь, но вопрос я как-нибудь решу.

– Можно и дешевый, – осторожно заметила Настя. – Я, например, на глаз не отличу.

– Да ты кошку от собаки не отличишь, когда задумаешься, – рассмеялся он. – У Ромчика на свадьбе знатоков тоже не будет, скорее всего, а вот в посольстве ты дешевым или поддельным жемчугом никого не обманешь, там такие зубры и жены зубров! Придется соответствовать.

Ромчик, Ромчик... Когда же ты позвонишь? Что там с участковым? Удалось что-нибудь узнать? Наверное, сегодня уже не позвонит, скоро девять вечера. И не факт, что позвонит хотя бы завтра. Наверняка занят делами по службе или

своими личными, а может, и вовсе забыл... Вопрос-то не срочный, ничья жизнь от ответа не зависит, а то, что у Анастасии Каменской зудит в голове неудовлетворенное любопытство, так это ее персональное горе, а никак не забота Романа Дзюбы.

Но он позвонил. Голос одновременно веселый и усталый.

– Анастасия Павловна, можно пригласить вас на неприличное свидание?

– Почему сразу на неприличное? Начинать полагается с приличных, – пошутила разом приободрившаяся Настя.

– Приличное у нас с вами уже было, только закончилось все стрельбой, если помните, – отпарировал Дзюба. – Сегодня я предлагаю вам посетить дешевое затрапезное кафе. Я-то все равно туда собираюсь, но будет неплохо, если вы присоединитесь.

– Кафе? – переспросила она, помолчав. – То самое?

– Ага. Нужный человек сегодня работает до закрытия. Поедете?

Настя бросила осторожный взгляд на мужа: тот, встав на стул, запикивал последний из освобожденных от вещей чемоданов на самую верхнюю полку шкафа, сделанную без разделительных перегородок специально для хранения багажных емкостей – чемоданов и дорожных сумок.

– Леш, я еще нужна? Или мы закончили на сегодня?

Чистяков соскочил со стула и с грохотом задвинул дверцу шкафа.

– На сегодня все, – решительно объявил он. – Мне еще поработать нужно.

– Тогда я съезжу с Ромчиком, ладно?

– Разве я могу препятствовать свиданию жены с молодым любовником? Конечно, поезжай, – рассеянно ответил Алексей, и Настя поняла, что в момент закрытия шкафа ее муж полностью переключился на работу, которую планировал сделать вечером. Он разговаривает с ней, относит стул к окну, где тот обычно и стоит, делает шаги по квартире, но это всего лишь видимость. Это «вроде бы». На самом деле Лешка уже весь там, в своей научной проблеме, в мире формул и алгоритмов, и если бы Настя не стала ничего спрашивать, а просто тихонько ушла, он бы, вполне вероятно, заметил ее отсутствие далеко не сразу. А то и вовсе не заметил бы.

* * *

Нужный человек работает в кафе до закрытия. Значит, она правильно предположила: свидетелем, дававшим показания «со слов потерпевшего Кислова», был кто-то из сотрудников кафе. Ромка хочет, чтобы Настя поехала с ним, стало быть, у него есть план или хотя бы идея. По телефону он ничего не сказал и не объяснил, но Настя понадеялась на то, что поняла все правильно. Хорошо, что сегодня утром она вымыла и уложила волосы: когда ходила в кафе с Кисловым, голова была невытой и мокрой от дождя, и причес-

ка выглядела совсем иначе. В прихожей Настя надела стильный короткий плащ цвета беж и яркий шарф, несколько секунд подумала, взяла большую матерчатую сумку, купленную когда-то на кассе в супермаркете, засунула в нее старый пуховик, который мама велела выбросить на помойку. Выбросить! Да прям, разбежалась! Он еще пригодится, вот как сегодня, например. Неизвестно, как дело пойдет и какой вид потребует для раскручивания свидетеля: элегантный или затрапезный.

– В общем, Анастасия Павловна, картинка у нас такая, – начал Роман, когда Настя села к нему в машину.

Участковый, которого без малейшего труда разыскал Дзюба, рассказал, что в пятницу утром, когда он выходил из здания окружного управления и намеревался ехать на свой опорный пункт, к нему прямо возле крыльца подскочил неизвестный мужчина лет тридцати пяти, обратился по имени-отчеству, спросил, когда можно подойти на опорный пункт. Ему, дескать, нужно оформлять документы на продление разрешения на хранение оружия, и для этого требуется бумажка от участкового, что все единицы хранятся как положено. Участковый дежурно спросил: «Что у вас там? Охотничье?», на что мужчина ответил, что у него много всего – и охотничье, и спортивное, и травматы, но он при продлении разрешения решил половину сдать, все равно не пользуется, а безмозглых бандюков, дескать, кругом полно, квартиры в их спальном районе вскрывают – только в путь.

Если, не дай бог, его квартиру обнесут и оружие заберут, а потом из него убьют кого-нибудь... Сейчас времена такие настали, что убивают не только за три копейки, а и вообще ни за что, вон в их микрорайоне парня убили вчера – думаете, за деньги? Ни фига подобного, баба его уделала, за то, что он с ней спать отказался. А парень, говорят, хороший был, скромный, жил один, ни в какой криминал не ввязывался. И вот поди ж ты...

В этом месте участковый, который только что прослушал инструктаж, сводку за минувшие сутки и ориентировки, насторожился и спросил, откуда тому мужчине известно насчет бабы, с которой потерпевший отказался спать. Оказалось, информацией поделился бармен из кафе, расположенного в трех минутах ходьбы от дома, где произошло убийство Кислова, о котором как раз на инструктаже и говорили. Потерпевший Кислов – давний и постоянный посетитель кафе, его все там знают, особенно те, кто давно работает. «Так когда мне к вам зайти? Назначьте, пожалуйста, а то мне оформлять надо, у меня сроки поджимают», – попросил мужчина. Участковый назвал день и время и направился в указанное кафе побеседовать с барменом.

Бармен подтвердил, что Андрей, фамилию которого он, конечно, не знает, действительно постоянно к ним приходит, и один, просто поесть, и с гостями встречается. Да, позавчера, в среду, он приходил с женщиной пенсионного возраста, бармен даже сначала подумал, что это мать Андрея, в об-

щем, она заметно старше была, они о чем-то говорили, но недолго, потом женщина внезапно резко поднялась и ушла очень рассерженная, а Андрей еще почти час сидел. Когда уходил – присел за барную стойку, заказал еще кофе, перекинулся с барменом парой слов. В частности, бросил с досадой, что вот, мол, тетки эти возрастные – ненасытные акулы какие-то, привыкли, что за деньги можно все купить, а если денег много, то ни в чем отказа нет, и бесятся, когда не получают желаемого.

– Дальше, Анастасия Павловна, цитирую со слов участкового, так что без обид, – предупредил Роман. – «В зеркало надо смотреться, прежде чем в койку проситься». Якобы именно эти слова сказал Андрей Кислов нашему свидетелю-бармену, свидетель пересказал их участковому, а участковый, соответственно, операм. Опера помчались в кафе, опросили бармена, он все подтвердил.

– Прямо все-все? – переспросила Настя.

– Все-все.

– И вот прямо слово в слово?

– Прямо да.

– А насчет «бросил с досадой» – это твой художественный вымысел?

– Ни боже мой, Анастасия Павловна! – возмутился Дзюба. – Как можно? Это со слов участкового, но в справке опера, который опрашивал, такое выражение тоже присутствует. Я вам больше скажу: оно есть даже в протоколе допроса,

проведенного следователем. Бармена же сразу к следаку потащили.

– И что думаешь?

Роман усмехнулся.

– То же, что и вы. Лажа, но выполненная очень профессионально.

– Думаешь, бармену заплатили за это вранье?

Он пожал плечами:

– Вот это мы сейчас и попробуем выяснить. Ему предъявляли фотографию с камер, он уверенно опознал в вас ту самую женщину, с которой Кислов приходил в кафе и которая ушла очень рассерженная. Значит, он хорошо рассмотрел вас вживую и запомнил, если смог уверенно опознать на плохом нечетком черно-белом снимке без крупного плана лица.

– Да уж, – вздохнула Настя, – просто гигант зрительной памяти. Но считается, что у работников сферы обслуживания, особенно у барменов и официантов, зрительная память отличная, иначе они будут постоянно ошибаться, путать гостей и не смогут работать как положено. Так что ничего удивительного. То, что он меня уверенно опознал, как раз нормально. Назвал меня очень рассерженной – тоже ничего, вполне объяснимо, я старательно изображала из себя расстроенную, могла и не так сыграть, и переиграть, и вообще изобразить не то, я же не профессиональная актриса все-таки. А вот то, что сказал ему Кислов...

– Якобы сказал, – поправил ее Роман. – У меня после беседы с участковым зародились некоторые сомнения. А у вас? Неужели нет?

Они проехали мимо дома, где жил и был убит Андрей Кислов. Тот самый подъезд, те самые низкие перильца, на которых Настя сидела всего несколько дней назад. Надо же, несколько дней! А кажется, будто сегодня утром. Как быстро стало лететь время!

– После светофора – направо, – подсказала она.

– «Через двести метров поверните направо», – проговорил следом за ней механический голос навигатора.

– Будешь еще меня учить, – пробурчал Роман и фыркнул.

* * *

В кафе шумно гуляла компания человек на пятнадцать, расположившись за четырьмя сдвинутыми вместе столами, в остальной части зала посетителей было совсем немного. Настя и Роман уселись за столик, заказали горячие напитки и десерты и принялись делать вид, что мирно беседуют. На самом деле они по очереди и тихонечко читали стихи – те, которые помнили так, что слова в бессознательном состоянии отскакивали от зубов, а сами исподтишка наблюдали за барменом, невысоким, но очень спортивным парнем с чуть длинноватыми волосами, забранными на макушке в смешной «самурайский» узелок. Работы у бармена сегодня – хоть

отбавляй, компания за четырьмя столами беспрестанно требовала то холодные напитки, в том числе и алкогольные, то горячие, и если выдавалось несколько свободных секунд, парень смотрел не в зал, на гостей, а в телефон, но при этом ничего не писал. Дзюба огляделся и удовлетворенно кивнул.

– Туалет за барной стойкой и налево, это хорошо. Пойду полюбопытствую, чем так усердно интересуется наш свидетель. Сейчас он порцию нальет, официантка ее заберет – и можно двигать, он как раз в телефон полезет.

Роман рассчитал все точно и, вернувшись из туалета, доложил:

– Следит за спортивными достижениями своих друзей. Кто сколько километров пробежал, или на велике проехал, или на роликах, или проплыл. У него в телефоне специальное приложение для этого стоит. Я его поближе рассмотрел – мускулатура развитая, видно, что тоже постоянно спортом занимается. Небось стоит за стойкой и злится, что все за физической формой и здоровьем гоняются, а он тут дурака валяет, пьяным еще больше подливает. Я таких ребят знаю, они в большинстве своем не пьют даже пива, не курят, про дурь речь вообще не идет, но, правда, и про работу тоже не очень, на уме один спорт, мышцы, километры, скорость, высота-долгота, ну, все такое. В принципе они мне нравятся, для них не важно, сколько человек зарабатывает и какой крутизны у него часы или тачка. Важно, на сколько километров у него хватает мышечной силы, а попросту говоря – чего он

достиг собственными тренировками. Но все хорошо в меру, как обычно.

– То есть? – не поняла Настя.

– То есть в меру. У одних мера есть, у других – нет. Те, у которых нет, вообще ни о чем думать не могут, кроме одного: кто-то в их тусовке сумел больше, лучше или быстрее, чем они, и нужно как можно скорее это достижение перебить своим. Они настолько одержимы идеей собственного физического превосходства, вернее, доказыванием этого превосходства, что не в состоянии ни на чем другом сосредоточиться, в том числе и на работе. Похоже, наш свидетель – из их числа.

– Частенько ошибается? – понимающе спросила Настя, обратившая внимание, что официантка, подхажившая к стойке, чтобы забрать заказ, три или четыре раза отрицательно мотала головой, после чего бармен быстро снимал с подноса один из напитков и наливал какой-то другой.

– Ну да, – кивнул Дзюба. – Невнимателен, не может сконцентрироваться и удержать в памяти заказ даже на короткое время. Все время в телефон ныряет. Уверен, что зал и гостей он вообще не видит. Ладно, пойду поговорю с ним, хотя в успехе сомневаюсь, вряд ли наш спортсмен окажется разговорчивым, у него же приложение – лучший друг.

– Может, повезет. Сейчас вечер, и если все так, как ты сказал, друзья-соперники как раз после работы ездят-бегают-плывут. Думаю, в первой половине дня активность не та-

кая высокая, и он был более внимателен. Есть шанс, что он все-таки осознавал то, что происходило в дневные смены на прошлой неделе, и даже что-нибудь запомнил. Главное – правильно задавать вопросы.

– Правильно – это как?

– Не так, как учили. Не так, как делают все. Шаблонный вопрос порождает шаблонный ответ, а шаблонный ответ всегда можно предвидеть и предугадать. Его можно спрогнозировать, но можно и спланировать, и даже смоделировать. Понимаешь, о чем я?

Дзюба задумчиво посмотрел на нее, потом потер ладонью щеку и слегка улыбнулся.

– Вы рассказывали про Вербицк и про то, как там специально обученные деятели манипулировали общественным мнением, я помню. После этого я много специальной литературы почитал по нейролингвистике, мне любопытно стало, кучу всего интересного узнал. Вы об этом?

– Именно об этом. Участковый тебе дал подробное описание того мужчины, который насчет разрешения на оружие обращался?

– Дал. Думаете, он и здесь возникнет?

– Не знаю, но есть смысл иметь его в виду.

– Я понял. Ну все, пошел, не скучайте тут, Анастасия Павловна.

Вадим

Сука! Сука! Сука! Какого черта она поперлась в это кафе? Что она там забыла? Подумаешь, зашла с Кисловым один раз, так что теперь?

Ему стало нехорошо, спина покрылась липким потом, во рту пересохло. Происходило нечто такое, чего он не понимал. Не мог этим руководить. Не мог это контролировать.

А ведь начиналось все так спокойно, так благостно. Вадим немножко позлился на то, что суку Каменскую так быстро и легко отпустили, но вскоре утешился. В конце концов, именно в этом и состояло срочное задание: сделать так, чтобы ее задержали, доставили к следователю и помордовали как следует. Результат налицо, Вадим в очередной раз доказал свою эффективность, получил устную благодарность от шефа и толстый конверт с наличными. А то, о чем он мечтал втайне, в глубине души, это так, приятный бонус, которым можно было бы насладиться, если бы допрос у следователя закончился, например, задержанием и помещением Каменской в камеру, а еще лучше – последующим переводом в следственный изолятор, пусть и ненадолго, хотя бы на пару дней.

Бонуса не получилось. Но и без него все прошло просто отлично! Вадим много раз мысленно пересматривал придуманную схему и ловил себя на том, что особенно греет его

душу один момент. Каменскую будут обвинять в сексуальных домогательствах по отношению к мужчине, по возрасту годящемуся ей в сыновья. Вот в чем главный цимес! Да, это не обвинение в преступлении, а всего лишь доказательство мотива для убийства, но ведь красота же! Все эти тетки, эти отвратительные бабы – ровесницы его матери и матерей его одноклассников, о господи, как же он их ненавидел! Он готов был уничтожить их всех скопом или каждую по отдельности. Их, которые сочувственно и снисходительно смотрели на него. Их, называвших его «жалким». Их, когда-то отрицавших его ценность как личности. И теперь, став взрослым, он будет унижать и терзать женщин того поколения при любой возможности.

Однако собственная идея, на которой построена вся схема с Каменской, выглядела в глазах Вадима все более и более симпатичной. А что, если и в самом деле...

Вообще-то он всегда предпочитал девушек младше себя. Дело не в свежести и упругой коже, дело в уме и жизненном опыте. Вадим признавал для себя только позицию «старшего», руководящего и контролирующего. Если и выбирать женщину постарше, то только такую, которой он сможет управлять.

Но с этими, которые из «поколения матерей», он сможет справиться без труда. Уж какие бы они ни были разумные и успешные, а против любовника на тридцать лет моложе у них оружия нет. Ибо инстинкт. Желание быть и в собственных

глазах, и в глазах окружающих моложе, чем на самом деле. Быть привлекательной и желанной. Победившей возраст и перспективы старения.

Вадим был абсолютно убежден, что выведенная им формула работает безотказно и распространяется на всех женщин без исключения. Ни одна не устоит перед соблазном. И ни деньги, ни успешность, ни внешность влюбленного «сыночка» никакого значения иметь не будут. Важно одно: он на тридцать лет моложе. Он влюблен, а она молода и по-прежнему желанна. И точка.

Так почему бы не начать с этой сучки Каменской? Потешить себя, насладиться ее беспомощностью и последующим унижением, втоптать в грязь. Хорошо может получиться!

А кстати, где она сейчас? Что подельывает? Надо поближе познакомиться с ее обычными маршрутами, чтобы красиво спланировать «случайную встречу». Одиннадцатый час, он в отделе один – дежурит, делать все равно нечего. Включил определение геопозиции по мобильному телефону и к своему изумлению обнаружил Каменскую, вернее, ее телефон в том районе, где проживал покойный Кислов. Уточнил данные – получилось то самое кафе.

В общем-то ничего особенного. Вадим плохого не заподозрил – слишком уж всегда был уверен в своих силах – и связался с шефом. Просто доложил. Даже не доложил, а поделился изумлением, дескать, какие же бабы дуры, Каменская во время допроса столько унижений натерпелась из-за

этого кафе, столько оскорблений выслушала, что будь она нормальным человеком – обходила бы его за три версты, а она, гляди-ка, притащилась на ночь глядя. Мазохистка, что ли? Или сентиментально предается воспоминаниям о безвременно усопшем?

Вадим в этот момент сам себе казался чрезвычайно остроумным и рассчитывал, что шеф отреагирует хотя бы коротким одобрительным смешком. Однако, все вышло не так. Шеф отчитал его, как мальчишку.

– Почему она там оказалась? Ты где-то допустил прокол, ты чего-то не учел в своей схеме, и она ухватилась за кончик, который ты не потрудился спрятать.

– Но Алена Валерьевна...

– Алена этот план не проверяла, у нас не было времени! Я же ясно говорил: задание очень срочное. И ты должен был понимать, что за тобой проверять в этот раз некому, поэтому сработать нужно не «как-нибудь примерно», потому что умная Алена все увидит и все поправит, а как следует. По-взрослому, а не так, как ты привык, недоумок. Ты что же, рассчитываешь, что Алена до самой твоей пенсии будет тебе задницу подтирать? Из детских штанишек никак не вырастешь? Имей в виду: если что не так – отвечать будешь сам, и никакая Алена тебя в этом случае не прикроет, не надейся.

– Я понял, – ответил Вадим, из последних сил сдерживаясь, чтобы не разбить немедленно все, что подвернется под руку. Окно, мониторы – что угодно. Только бы разрушить,

уничтожить. Почувствовать себя более сильным. Услышать треск или звон, увидеть обломки или осколки – видимые и осязаемые результаты разрушения.

Он оставил какую-то дырочку в схеме, куда немедленно влезла эта сучка Каменская...

Его схемы срываются только потому, что их перепроверяет и корректирует эта сутулая бессмысленная вошь Алена. Никому не нужная трусливая и неуверенная в себе Горбызла.

Он не задумывался, что же именно привело его в такую ярость: тот факт, что он чего-то не предусмотрел, где-то ошибся, то обстоятельство, что Каменская оказалась умнее, чем он рассчитывал, или мнение шефа о том, что без Горбызлы он – ничто.

Вадим просто был в ней, в этой ярости, находился в самом центре пылающего костра и не чувствовал, как в нем горят и расплавляются остатки того, что в деловом и политическом мире принято называть лояльностью.

Светлана Гнездилова

Когда при очередном включении компьютера она увидела баннер, сообщавший, что на электронную почту покойного мужа пришло новое письмо, Светлана Дмитриевна несказанно удивилась. Да, в первое время после смерти Виктора Семеновича еще приходили какие-то рассылки с новыми нормативными актами и прочей юридической ерундой, пока информация о «выбытии» адресата не была учтена администрацией соответствующих сайтов. Но все это прекратилось уже довольно давно. Светлане Дмитриевне даже в голову не приходило раз и навсегда закрыть окно на домашней странице. Пусть висит, кому оно мешает?

Письмо было, разумеется, немедленно прочитано и ввергло Светлану Дмитриевну в шок. У Виктора Семеновича была любовница! И эта связь не просто какая-то случайная и мимолетная, а серьезная, с очевидными последствиями в виде ребенка. Ребенка, о котором он знал и которому помогал.

«...ты перестал высылать деньги, ты не звонил и не писал, и я поняла, что ты решил прекратить все это. Что ж, дело твое, я не в претензии, у тебя семья и положение, и ты ими дорожишь. Я всего лишь твоя любовница и не имею права ничего ожидать. Но при этом я еще и мать твоего ребенка, на минуточку. Ты можешь забыть обо мне, твое право, но как ты можешь забыть о том, что у тебя растет

дочь, которую нужно поддерживать? За полтора года – ни одного звонка, ни одного письма, ни одной копейки! Ни одного вопроса о том, как она, здорова ли. Тебе не стыдно, Витя? У меня хватило гордости и самолюбия не тревожить тебя письмами и звонками, просьбами о помощи и всем прочим. Бросил – значит бросил. И мне по-прежнему ничего не нужно от тебя.

Но твоя дочь растет. И начинает задавать вопросы. Мне нужно знать, что ей отвечать. Что ее папа в длительной командировке, но когда-нибудь обязательно вернется? Или что он умер от страшной болезни, героически погиб или убит бандитами, поэтому не вернется никогда? Мне все равно, что сказать ей, ты только скажи, что именно, а то получится, что я навру о твоей героической смерти, а ты нарисуешься нежданно-негаданно. Повторяю: нам от тебя ничего больше не нужно, ни твоих денег, ни тебя самого. Только ответ: ты когда-нибудь планируешь появиться в нашей жизни и посмотреть на свою дочь или ты исчез с концами?»

Подписи не было, зато были три прикрепленных файла – три фотографии. На двух изображена очаровательная девочка, на вид лет пяти-шести, ангелочек с белокурыми локонами и огромными синими глазами, на третьей – та же девочка вместе с мамой, эффектной молодой блондинкой. Вот, значит, с кем Виктор Семенович Гнездилов изменял своей верной и преданной жене, которую своей волей лишил всех воз-

возможностей выглядеть привлекательно! Затопившая Светлану Дмитриевну ревность не помешала ей, однако, рассмотреть и по достоинству оценить соперницу: ни макияжа, ни надутых губ, ни силиконовой груди, вся красота природная, натуральная.

Виктора нет в живых уже полтора года, а эта дамочка не знает, что он умер, и решила, что любовник банально бросил ее... За полтора года – ни известий, ни денежных переводов. Что еще она могла подумать? Видно, Виктор хорошо законспирировался с этой любовной связью, никому свою блондинистую шлюшку не показывал, ни с кем ее не знакомил, потому и не нашлось ни одного человека, который сообщил бы ей о смерти судьи Гнездилова.

Выходит, Ленечку, законного сыночка, пятнадцатилетнего подростка, без колебаний выгнал, оторвал от семьи и от дома, а приبلудную девчонку признал, пригрел и поддерживал? Очень хорошо!

Светлана Дмитриевна почувствовала непреодолимое желание выпить. Часа через два, когда содержимого в бутылке осталось примерно на сантиметр, пришло облегчение.

Во-первых, если никто из знакомых семьи Гнездиловых не в курсе насчет этой бабешки и ее ребенка, значит, унижительное положение обманутой жены Светлане не угрожает.

Во-вторых, она получила еще одно, последнее и самое сильное доказательство того, что имеет право жить так, как хочет, а не так, как требовал и завещал великий безупреч-

ный Виктор Семенович, образец порядочности и моральной чистоты. Ага, знаем мы теперь эту чистоту! До сегодняшнего дня Светлана стеснялась собственных побуждений и старалась подавить в себе разные желания, которые муж не одобрял. Ведь он поступал так, потому что был честным и оберегал свою репутацию, а то, что это постепенно превратилось в диктат и тиранию, так просто характер такой у Вити. Жесткий. Бескомпромиссный. И если после его смерти вдова начнет открыто, у всех на глазах нарушать введенные им правила и запреты, то это будет как-то... Нехорошо, что ли... Неуважение к памяти покойного...

Но сегодня все изменилось. Строгость и принципиальность Виктора Семеновича Гнездилова оказались лицемерием и двойными стандартами. Все ложь. Все притворство.

И третье, плавно и закономерно вытекавшее из второго: отныне Светлана Дмитриевна имеет полное право не только жить так, как ей хочется, но и ненавидеть своего мужа. Ненависть проснулась в ней не сегодня, нет, это случилось намного раньше, но чувство это было как бы неправильным, незаконным, и Светлана стыдилась его, как стыдилась своих желаний, таких же незаконных и неправильных. Теперь стыд ушел. Исчез раз и навсегда. Ненависть стала полноправной, подняла голову, расправила плечи и сделала глубокий вдох.

На следующий день Светлана Дмитриевна распечатала на принтере письмо и фотографии, позвонила сыну Виталию и попросила приехать.

– Полюбуйся, – холодно произнесла она, швырнув бумаги на стол. – Вот истинное лицо твоего отца вместе с его безупречной репутацией.

Виталий ошеломленно изучил текст, рассмотрел девочку и ее маму.

– Ты собираешься с этим что-то делать? – осторожно спросил он. – Ответить на письмо? Объясниться?

– Еще чего! – презрительно фыркнула Светлана. – Много чести с ней объясняться. Этой белобрысой шлюшки для меня не существует, хоть кого она там родила, хоть одну дочку, хоть трех. Я показываю тебе это в первый и в последний раз.

С этими словами Светлана Дмитриевна взяла листы, демонстративно медленно разорвала их на мелкие кусочки и выбросила в мусорное ведро.

– Само письмо я тоже удалила и из входящих, и из корзины. Ничего этого не было ни для кого, кроме нас с тобой. Ну еще Лиане расскажи, конечно, она имеет право знать, каким уродом был ее любимый свекор. Больше никто ничего знать не должен. И не вздумай брать в голову всякие глупости насчет того, что у тебя где-то растет единокровная сест-

ра, оставшаяся без помощи и поддержки. Ее шлюшка-мамаша в одиночестве не заскучает, можешь мне поверить, нового папашу для ребенка быстро отыщет. А то знаю я тебя, ты же порядочный, добрый, надумаешь еще...

Виталий помолчал, потом спросил, совсем тихо, едва слышно:

– Мама, а ты зачем мне все это показала? Если ты сама не собираешься ничего предпринимать и не хочешь, чтобы я об этом думал, то и не говорила бы. Ты, надо полагать, чего-то ждешь от меня, какой-то реакции, а я не понимаю. Так что же тебе нужно на самом деле?

Светлана Дмитриевна вдохнула поглубже, выговорила четко и громко:

– Я буду жить так, как мне нравится. И я не хочу в дальнейшем слышать от тебя никаких замечаний, возражений, поучений и еще чего-то подобного. От твоего отца я за всю свою жизнь наслушалась этого добра достаточно. Хватит. Цена этим поучениям – полгроша, сам видишь. С сегодняшнего дня я сама себе хозяйка. И Лиану предупреди: никаких высказываний не потерплю. Ты меня понял?

– Конечно, – слабо усмехнулся он. – Что ж тут непонятного? Новые тряпки ты уже купила, из горла хлебнула, теперь собираешься вообще пойти вразнос. Счастливого пути!

Ох, как трудно ей всегда было с Виталиком! Светлане потребовалось немало мужества и немного спиртного, чтобы решиться на этот разговор. Но она понимала, что погово-

ритель с сыном надо, иначе не миновать внутрисемейных разборок и нотаций на тему «прилично – неприлично». Ничего этого она не хотела. Она хотела вызывающих нарядов, подчеркивающих хорошие внешние данные. Хотела ощущения собственной привлекательности. Хотела мужского внимания. Хотела всего того, что было у других женщин – и реальных, которых она знала, и книжно-кинематографических, и чего она сама оказалась лишена по воле мужа, который провозглашал моральную чистоплотность, а сам за спиной супруги крутил романы и чуть ли не завел вторую семью. Она хотела свободы и отсутствия контроля, как внешнего, так и внутреннего. С внутренним со вчерашнего дня все было в порядке, оставалось только решить проблему внешнего. Для этого и требовалось объясниться с Виталием.

Всю ночь Светлана Дмитриевна мучительно искала слова. Что сказать? Как сказать? Виновато просить о понимании? Или требовать на правах матери? Виталик – сложный мальчик, умный, скрытный, никогда ей не удавалось угадать, что он думает на самом деле, как поведет себя, что скажет. То ли дело Ленечка! Простой открытый мальчик, хулиганистый, конечно, как все подростки, ветер в голове, но такой понятный, такой теплый...

Виталий ушел, оставив ей смятение, неловкость и нестерпимое желание выпить.

Через неделю Светлана Дмитриевна заявила сыну и снохе, что хочет найти Леню. И уже на следующий день отправи-

лась на первое свидание с мужчиной, с которым познакомилась на специальном сайте. Знакомилась уже давно, месяца три, переписывалась и флиртowała направо и налево, но на встречу ни с одним из поклонников не могла решиться.

Свидание получилось не особенно удачным: мужчина оказался скучноватым и простоватым, а секс с ним – обыденным и ничем не отличавшимся от того, что происходило у нее когда-то с мужем. Все то же самое. «Ничего, первый блин всегда комом», – успокаивала себя Светлана. Ну в самом деле, было бы странным найти подходящего кавалера с одной попытки.

Она старалась быть осторожной и предусмотрительной, вела с новыми знакомыми обширную переписку, задавала множество самых разных вопросов, чтобы на свидании в реале не оказалось пресно и серо. И все-таки с первым кавалером промахнулась. Вторая встреча поначалу выглядела более обнадеживающей, однако партнер, так интересно рассказывавший о живописи, вдруг как-то очень быстро и безобразно опьянел, и до секса дело не дошло вообще. На третьем свидании выяснилось, что размещенные на сайте фотографии далеко не всегда принадлежат тому, кто приходит на встречу с дамой.

Желающих познакомиться и встретиться с молодой красивой дамой оказалось в избытке, от обилия предложений, скопившихся за три месяца, у Светланы кружилась голова, свидания назначались ежедневно. Но почему-то каж-

дый раз выходило не то...

Светлана Дмитриевна не теряла надежд, тщательно следила за собой, весь последний год постоянно посещала парикмахера и косметолога, теперь же перед каждым свиданием делала в салоне профессиональный макияж. Отражение в зеркале радовало глаз и заставляло сожалеть об упущенных годах молодости, но и вселяло уверенность, что впереди еще есть немного времени для яркой насыщенной женской жизни. Да, времени этого не так много, поэтому нельзя его терять попусту, нужно использовать оставшееся на полную катушку.

А потом Виталий, придя к ней один, без жены, сказал:

– Не буду врать, я не одобрял твое желание найти Ленью, но поскольку ты моя мать, твое желание для меня закон. Тем более ты ясно дала понять, что мое одобрение или неодобрение тебе не интересно.

Сердце Светланы забилося сильнее. Неужели?.. Он нашел Ленечку и готов привести его домой? Или сейчас скажет, что Лени нет в живых? Господи, Господи, пусть она сейчас услышит что-нибудь хорошее!

– Ну? – только и смогла проговорить она пересохшими губами.

– Я нашел его. Он жив и здоров, вполне благополучен. Но он не вернется.

– Как? Почему? – растерянно проговорила Светлана Дмитриевна.

– Не хочет. Он не хочет тебя видеть. Он тебя не простил. И отца не простил.

– Но ты сказал ему, что папа... что папы... что его больше нет?

– Он и так знал. Ему все равно. Тебе придется смириться с тем, что ты ему не нужна. Вы с отцом когда-то отрезали его от себя, он в ответ сделал то же самое.

Светлана Дмитриевна тихонько заплакала.

– Как он? Где живет? Чем занимается? Женится? У него есть детки? Расскажи о нем, – попросила она сквозь непрерывно льющиеся слезы.

– Он живет один. Не в Москве. Достаточно далеко отсюда. Жены нет. Бабы есть. Детей нет. Денег много. Спокоен и благополучен, – сухими рублеными фразами доложил Виталий. – И чтобы ты не изводила себя напрасными сожалениями, скажу то, что вообще-то говорить не собирался: он по уши завязан в криминале, огромные деньги, которыми он ворочает, нажиты преступным путем, и после первого лишения свободы он сидел еще раз за дела, связанные с нарко-трафиком. Ты по-прежнему хочешь, чтобы этот человек жил с тобой в одной квартире и называл тебя мамуленькой, как когда-то?

– Уходи, – глухо проговорила Светлана. – Дай мне побыть одной.

– Мама...

– Уходи, – повторила она.

Сгорбившись и волоча ноги, ушла в спальню и закрыла дверь.

Лиана

– Как она отнеслась к этому?

– Расстроилась, – коротко ответил Виталий.

Наверное, это еще мягко сказано. Муж никогда не был особо многословным, и Лиана догадывалась, что известие о Лене убило Светлану Дмитриевну. Столько лет тосковать о младшем сыне – и вдруг услышать, что он не простил родителей, не смягчился, узнав о смерти отца, и не хочет не то что жить с матерью – даже видеть ее. Жестокий удар. А еще и это письмо от любовницы свекра... Давние прочные отношения, внебрачный ребенок. Бедная мама Света!

«А ты? – возразила Лиана сама себе. – Ты не бедная? Мама Света и папа Витя сделали так, как было лучше для них обоих. За всех все решили в угоду своим интересам. Виктор Семенович отчаянно бился за принципы и чистоту репутации, его жена – за мир в семье и за спокойствие старшего сына, лелея при этом собственную преданность мужу. А тебя просто принесли в жертву».

Раньше такие слова в голову Лианы Гнездиловой не приходили. Они стали появляться только тогда, когда она втайне от всех занялась поисками Лени и встретила своего единственного, своего любимого, того, с кем можно было обсуждать это. Оказывается, ей так нужна была возможность сказать вслух правду, которую она не решалась проговорить да-

же мысленно! Ей нужен был человек, от которого не ждешь ни подвоха, ни упрёка, ни удара. Человек, перед которым не стыдно признаваться ни в чем. Даже в нелюбви к своему единственному ребенку.

Теперь она все чаще разговаривала сама с собой, не скрывая от себя собственных мыслей. Чувство было такое, будто из тюрьмы вырвалась! Свобода сперва пьянила, потом стала порождать недоверие, которого Лиана прежде не допускала. Если раньше все, что говорили и делали Виталий и его родители, сомнению не подвергалось, то в последние месяцы по разным причинам непрошено всплывал коварный вопрос: «А так ли это на самом деле?» Она пыталась одергивать себя, убеждать, что мама Света не способна на обман и двуличие, а покойный свекор вообще практически святым был, оба как на ладони, открыты и прозрачны. Полученное Светланой Дмитриевной письмо разрушило сложившийся за долгие годы образ судьи Гнездилова, а реакция самой свекрови на случившееся заметно поколебала уверенность Лианы в том, что мама Света – мягкая, добросердечная и понимающая, стремится всем помочь и всех защитить.

Эти сомнения, это постоянное недоверие нервировали Лиану. Наверное, она глупая, недалекая, плохо разбирается в людях, не может правильно их понимать, потому что не хватает ума логично и просто объяснить их поступки, вникнуть в их побуждения. Куда проще не поверить. Она раздражалась на себя и в то же время с удивлением обнаруживала,

что сомневаться, не верить, не доверять – словно тайком лизнуть мороженое, которым мама запрещает лакомиться из-за слабого горлышка и постоянных ангин. Сладко, вкусно, страшно, что мама узнает и будет ругать, и немножко совестно оттого, что нарушила запрет и «сделала плохое».

Труднее всего было с Виталием. Когда-то влюбившись в него, такого умного, сдержанного, серьезного, Лиана после восемнадцати лет брака, в течение которых она была твердо убеждена, что ей невероятно, просто сказочно повезло в семейной жизни, вдруг начала сомневаться и не верить. Ведь он категорически не хотел искать Леню, так почему же все-таки нашел и даже встретился с ним? С женой он изменения своих намерений не обсуждал, о том, что ищет брата, наводит о нем справки, ни словом не обмолвился. Как они встречались? Где? Если Леня живет не в Москве, значит, либо приезжал в столицу для встречи с Виталием, либо Виталик ездил к нему. Когда ездил? Одним днем обернулся, никто и не узнал, что его не было в городе? Или воспользовался теми днями, когда сама Лиана уезжала якобы к подруге по-видаться?

Или вообще все это сплошная ложь и Виталик не изменил своей позиции, не искал Леню и не встречался с ним? Просто солгал матери, чтобы она отстала. Мама Света – овца безответная и покорная, поверит, перепроверять не станет, да и возможностей таких нет, в противном случае она бы сама нашла сына, без Виталика. Или мама Света не такая уж

овца? Опять это чертово сомнение!

– Виталик, а ты действительно его нашел? – робко спросила Лиана.

– Конечно, – сухо бросил муж.

Почему-то он не удивился ее словам. Знал, что вопрос правомерен? Или отстранился от жены настолько, что уже давно не считает ее заслуживающей каких бы то ни было эмоций с его стороны? Не сказал, что ищет Леню, не сказал, что нашел, что встречался. Поставил в известность только сегодня, когда по телефону сообщил, что должен съездить к матери один, без Лианы, чтобы поговорить о младшем брате и объяснить, что ее надежды на воссоединение не оправдались. И только вернувшись от Светланы Дмитриевны, соизволил поделиться информацией с Лианой.

И вот теперь эти сомнения, будь они неладны! Если не нашел или даже не пытался найти, значит, лжет. Это плохо. Но если нашел и встречался, то это еще хуже. А вдруг Ленька рассказал ему? Откуда эта сухость Виталика и явное нежелание разговаривать с женой? От попытки скрыть ложь? Или оттого, что он теперь знает правду? Если и знает, то не всю, потому что всей правды не знает даже эта мерзотина Ленечка. Всю правду знает только мама Света, которая ни за что и никому ее не откроет. А если откроет? Если Светлана Дмитриевна Гнездилова совсем не такая, какой ее привыкла видеть и представлять Лиана?

Каменская

Выходила какая-то ерунда. Единственный факт, который уверенно подтвердил бармен из кафе, состоял в том, что Андрей Кислов действительно был постоянным гостем заведения и весь персонал знал его в лицо, а кое-кто даже и по имени.

Дальше начинались пробелы – один больше другого. Чтобы эти пробелы выявить, Роману Дзюбе пришлось проявить недюжинную изобретательность и задействовать множество знаний и умений, полученных отнюдь не в высшем учебном заведении. В результате долгой беседы с барменом Роману удалось-таки связать концы с концами, но полученная картинка выглядела более чем странно.

В четверг, во второй половине дня, ближе к вечеру, в кафе пришел посетитель, что-то съел за столиком, потом уселся за барную стойку, попросил заварить травяного чая и принялся сокрушаться о трагической смерти Андрюхи.

– Ведь только вчера мы с ним здесь обедали, он мне еще про бабу эту рассказывал, которая его домогается, прямо спасу от нее нет, аж за горло берет, преследует по пятам. Наверное, она его и грохнула, ну а кто ж еще, кроме нее-то?

Бармен не склонен был поддерживать болтовню с посетителем, однако упоминание об убийстве все-таки зацепило. Хоть и не знал он, о каком таком Андрюхе речь, но насиль-

ственная смерть – штука страшная, просто так мало кто мимо пройти может.

– Ну как – какой Андрюха? – недоуменно переспросил посетитель. – Кислов же, он сюда почти каждый день ходит, симпатичный такой... Щас, момент, фотку покажу.

Достал телефон, показал фотографию.

– А, ну да, – кивнул бармен. – Знаю его.

И тут же с ужасом спохватился:

– Его что, убили?

– Ну!

– Серьезно? Не гонишь?

– Да зуб даю! Сегодня утром, прямо в квартире. Меня уже менты трясли, мол, о чем мы вчера разговаривали, да в каком он был настроении, да не упоминал ли кого... Ну, короче, ты жди, сюда тоже придут не сегодня завтра, он же здесь постоянно бывал, так что вы тут все потенциальные свидетели. Не, я-то им все как есть рассказал, Андрюха после встречи с этой бабой сильно нервничал, говорил, что она неадекватная какая-то, сама страшнее атомной войны и старая, а в койку прям так нагло набивается – не отвяжешься. Я, если честно, думал, что он привирает, ну, не так, чтоб привирает, но преувеличивает, так он мне фотку этой бабы скинул, чтобы я сам убедился. Жалко, говорит, что ты на десять минут раньше не пришел, сам бы ее увидел, пока она не свалила, тогда не сомневался бы. Слушай, а ты ее видел?

– Кого? – рассеянно спросил бармен, которому уже хоте-

лось в очередной раз заглянуть в приложение.

– Да бабу, которая с Андрюхой вчера здесь была! Ну, вот эту!

И показал в телефоне еще одну фотографию. Бармен бросил на нее короткий незаинтересованный взгляд. Женщина как женщина. Ну да, не красавица, и не молодая, но ничего такого особенно отталкивающего в ней нет...

Он пожал плечами:

– Не помню. Я не рассматривал.

– Слушай... как тебя... Аркадий? Ты что, вообще в зал не смотришь? Гостей не видишь? И меня тоже не видел вчера? Ну ты даешь вообще! Как ты работаешь-то? Я б на месте хозяина тебя давным-давно уволил. Ты всех посетителей должен в лицо помнить!

– Извините, – пробормотал бармен Аркадий.

Дальше что-то такое происходило, что Аркадий не мог ни осознать, ни пересказать. Посетитель пил свой травяной чай, потом попросил еще один чайничек, на этот раз с молочным улуном, что-то беспрерывно говорил, показывал какие-то фотографии на своем телефоне, при этом не умолкал ни на секунду, даже когда бармен, выполняя другие заказы, наливал кофе, напитки, делал свежавыжатые соки или заваривал чай. «Вот болтун попался», – с досадой думал Аркадий, сожалея, что должен изображать вежливое внимание даже в те свободные минутки, когда можно поинтересоваться спортивными успехами товарищей-соперников. Где-то на

периферии сознания то и дело мелькала невесть откуда взявшаяся мысль: «Вот черт! Я ведь действительно ни фи́га не вижу и не помню. А вдруг меня и в самом деле уволят за это?»

На сегодняшний день воспоминания о событиях вечера четверга были смутными и скомканными. Но когда в пятницу (Аркадий в тот день работал как раз с утра) пришел участковый и стал спрашивать об Андрее Кислове, у бармена было совершенно отчетливое ощущение, что он прекрасно помнит и самого Кислова, и женщину, которая с ним приходила в среду днем, и то, что после ее ухода Кислов пил кофе за барной стойкой и с досадой жаловался на даму пенсионного возраста, которая привыкла, что за деньги может получить все, что захочет, в том числе и мужчину намного моложе себя. Все это бармен с чистой совестью поведал сначала участковому, потом оперативникам, а когда те попросили его проехать с ними и дать показания под протокол, то и следователю повторил. Показали фотографию с записи камеры видеонаблюдения – да, опознал без малейших колебаний.

А вот элегантную даму, сидевшую за одним столиком с Романом, бармен Аркадий не узнал. Выходит, не такая уж хорошая у него зрительная память на лица.

– Сработал профессионал высокой квалификации, – подвел итог Дзюба. – И где только такие водятся? Я бы у него поучился.

– Я бы тоже, – вздохнула Настя. – Знала я когда-то одно-

го такого мастера, но пройти у него обучение не хватило ни ума, ни времени. Молодая была, глупая, какие-то другие вещи казались более важными и нужными.

– Так, может, еще не поздно? – с надеждой спросил Роман.

– Поздно. Он умер. Если совсем честно – я дала ему возможность покончить с собой, а не сесть пожизненно, в обмен на показания против высоких чинов. Давно это было, еще при Ельцине. До сих пор не знаю, правильно я тогда поступила или нет. Но суть не в том. Манипулирование сознанием – вещь популярная, литературы – моря разливаные, Интернет пестрит рекламой каких-то курсов, вебинаров, мастер-классов и прочего, но девяносто девять процентов – туфта и профанация, один процент – более или менее годится с натяжкой, а вот специалистов экстра-класса я больше не встречала. Однако ж они, оказывается, живут и даже множатся. Только никого не учат, мастерство не передают, а пользуются им исключительно на пользу собственному карману. Ладно, что об этом говорить... Вернемся к нашим баранам.

– Вернемся, – с готовностью откликнулся Дзюба.

Они давно уже подъехали к Настинному дому, но еще не закончили обсуждение, а подниматься в квартиру Роман отказался: неудобно, поздно, не хочется беспокоить Алексея Михайловича.

– Внешность посетителя?

– Та же самая, что и в рассказе участкового. Особых при-

мет нет, но возраст, рост, комплекция, цвет волос совпадают. Только одежда другая.

– Кто бы сомневался, – хмыкнула Настя. – Наш пострел везде поспел. Умный, гаденыш, сработал с двух сторон: и картинку со словами внушил, и на самооценку надавил, дескать, признаешься, что не видел и не помнишь, – потеряешь очки в глазах начальства, ибо непрофессионально. Ладно, на вопрос «зачем» нам уже ответил Большой, ответ на вопрос «как» мы с тобой только что получили. Остался последний вопрос.

– Кто?

– Да. Ты и Сташис – лучшие опера на сегодняшний день, все остальные на порядок слабее. Они не смогли бы сами это провернуть. Значит, Сорокин и Борзун к кому-то обращались. Не к своим, а к сторонним исполнителям. Вопрос: к кому? Кто берется за такие заказы? Кто имеет в своем арсенале такую информационную базу и таких спецов? Меня выцепили, когда я выходила от родителей, хотя не обращались за сведениями ни к кому из тех, кто знал, где я нахожусь: ни к Лешке, ни к Стасову. Значит, у них есть доступ к геолокации, они меня по телефону отследили.

– Я так думаю, – задумчиво начал Дзюба, – они из наших, из полиции. По крайней мере, хотя бы один полицейский там точно есть. На самом деле, наверняка больше. Смотрите: для того, чтобы подавать документы на продление разрешения на хранение оружия, нужно, чтобы участковый пришел к че-

ловеку домой и лично проверил, есть ли оружейный шкаф и какой у него замок. Акт нужно составить и приложить к пакету документов, которые подаются в разрешительную. Но это по закону, а по жизни участковым лень ходить по квартирам, особенно если адрес не рядом с опорным пунктом, и они чаще всего пишут такие акты в опорном же пункте в присутствии владельца оружия, не отходя, так сказать, от кассы. Однако же бывают и въедливые парни, и не ленивые, редко, конечно, но встречаются. Если попасть на такого, прийти к нему в околоток и начать вякать про акт о соблюдении правил хранения, он ведь, не приведи господь, может поднять задницу со стула и сказать: «Ну пойдём, посмотрим». Участок – не округ, от опорного до любого адреса не убить, как далеко. А вот от окружного управления может оказаться сто верст, и если участкового отловить возле управы, то риск, что он немедленно соберётся в адрес, намного ниже. У человека свои планы на рабочий день, назначено что-то, график есть, в общем, гарантия почти стопроцентная, что ехать сей же момент он не захочет. А уж если его упорно просить «назначить время, когда можно подойти на опорный пункт», то можно быть уверенным, что адрес он точно не спросит. Даже если и спросит – назвать не трудно, никаких проблем, границы участка точно определены, называй любую улицу в этих пределах – не ошибёшься.

– Ты прав, – согласилась Настя. – Чтобы все эти обстоятельства учесть и так все рассчитать, нужно быть внутри си-

стемы. Ну и ладно, я успокоилась, а то как-то не по себе было при мысли, что я произвела на Кислова такое странное впечатление, и мне хотелось узнать, зачем он про меня все эти гадости наговорил. Выяснили, что ничего подобного он не говорил. Гора с плеч.

– Вы серьезно? – рыжий оперативник изумленно смотрел на Настю.

– Более чем. А что?

– И вам не интересно, кто всю эту комбинацию провернул? Не хочется их вычислить и найти?

– Рома, дорогой, не в той я позиции, чтобы иметь право на такие интересы и желания. Я теперь никто, у меня нет ни возможностей, ни полномочий, ни необходимости. Я не на государевой службе. В данный момент мне платят за то, чтобы я выяснила, почему Кислов отказался от экранизации и является ли он подлинным автором текста. Если не является, то моя задача – найти автора и обеспечить Латыпову надежный договор об уступке прав. Зарплату свою я получу именно за это, а не за разоблачение каких-то деятелей, которые оказывают деликатные услуги нашим правоохранителям.

Она старалась говорить уверенно и насмешливо, но с каждым произнесенным словом настроение портилось все больше и больше. Ей стало обидно и горько, потому что каждое слово было правдой, которую так не хотелось принимать.

Дзюба удрученно молчал. Да и что тут скажешь?

– Спасибо тебе, Ромчик, – устало сказала Настя. – Пойду

я.

– Да... Передайте, пожалуйста, Алексею Михайловичу от нас с Дуняшей благодарность. И вам тоже спасибо огромное, Анастасия Павловна. Мы понимаем, что у вас и так нет свободного времени.

– Ты о чем?

– Ну, о свадьбе нашей... Алексей Михайлович звонил на днях, сказал, что он будет в командировке за границей, а вы обязательно придете. Ведь придете? – В его голосе звучала надежда.

– Конечно, – заверила его Настя. – Но будешь должен.

Она внезапно улыбнулась, чувствуя, что горечь и обида немного отступили.

– Слушаю.

– Константин Веденеев, год рождения вокруг восемьдесят пятого плюс-минус, не москвич, но лечился в больнице на улице Приорова в двенадцатом году. Найдешь?

– Да я вам черта лысого найду за то, что на свадьбу придете, – горячо пообещал Дзюба. – Кстати, а к дяде Назару вы собираетесь?

– Обязательно. У меня изобильная светская жизнь в этом году. Все, дружочек, целую страстно, я пошла.

– Счастливо! Как что узнаю – позвоню!

Вадим

Дежурство закончилось. Настроение, испорченное накануне вечером, к утру немного выправилось, бушевавший костер ярости догорел, оставив после себя золу угрюмой злобы. Вадим сдал смену, но домой не ушел, остался. Нужно подсобрать еще информацию о передвижениях Каменской, чтобы составить план. Ночное время для этого не годилось, Каменская из кафе вернулась домой и больше никуда не ездила, а Вадиму нужны были места, где она появляется более или менее систематически. Офис ее конторы – да, это он уже знал, но такое место использовать опасно: рядом могут нарисоваться коллеги-сыщики. Лучше всего какой-нибудь магазин, где она появляется примерно в одно и то же время в пределах полутора-двух часов, это самое простое. Конечно, в крайнем случае можно засечь ее в конторе и потом пропасти до подходящего места... В общем, варианты были. Нужно только забежать в хорошо знакомый кабинетик двумя этажами ниже, забросить «котлетку», чтобы несанкционированная деятельность осталась незамеченной. «Котлетку» на этот раз придется лепить из собственного фарша... Ну да ладно, оно того стоит. Информацией торгуют все без исключения, и всем об этом прекрасно известно. И базы продают на сторону, и левые заказы выполняют, только надо не забывать постоянно подкармливать тех, кто контролирует использо-

вание возможностей системы.

На столе у офицера, принявшего смену, зазвонил телефон.

– Нет, еще здесь, – проговорил он в трубку. – Секунду.

Перехватил взгляд Вадима и кивнул:

– Тебя требуют.

Засада... Неужели трудно было сказать, что он сдал дежурство и ушел отдыхать? Сплошные придурки кругом! Небось, начальство с какой-нибудь срочной ерундой сейчас примотается. Но ничего не поделаешь, придется отвечать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.